

АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВ

ДАЛЬНЯЯ СВЯЗЬ

НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Действие происходит в ефремовском будущем

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Риг Виоль (студенческое прозвище – Бальдр), специалист по структурной лингвистике, в начале повести – студент Института древних языков и древних цивилизаций Земли.

Оа Рцел (Ирцельд), историк
Арисота Крат, биофизик

}
} сокурсники Риг Виоля
)

Леда Стэц
Гриона Тэлли

}
} сокурсницы Риг Виоля, Ирцельда и Арисоты.
)

Цоль Вэг, биофизик, начальник седьмой экспедиции на планету Сонора

Аэда Виль, гносеолог

Минда Кэри, биофизик

Вит Сван, командир звездолёта прямого луча «Лоэнгрин»

ЭКИПАЖ ЗВЕЗДОЛЁТА ПРЯМОГО ЛУЧА «ДАНТЕ»

Квиргу Эйр, командир звездолёта и начальник экспедиции, инженер аннигиляционных установок

Линна Оор [θo:r], первый связист, сестра-близнец Оа Рцела. В начале повести – курсант Школы Звездного Флота

Игорь Крон, астрофизик

Звельт Корс, астронавигатор

Као Гохр, пилот

Гэлла Фрао, химик

Офаза Джаэ, врач Звездного Флота

Questo tuo grido farà come vento,
Che le più alte cime più percuote;
E ciò non fa d'onor poco argomento.

Dante. Par., XVII, 133-135¹

ГЛАВА I. ГОРЫ И ВОЛНЫ

Звёзды на северо-востоке уже истаяли, и только зеленоватая Венера была еще ясно различима в предрассветных лучах над возвышающейся из моря дальней горой, похожей на голову исполинского дракона. Риг Виоль бежал уже второй час, но не устал, только изредка переходя на шаг. Юноша еще затемно покинул временный поселок археологов, попросив Тайпа не трогать их раскоп до его возвращения через два-три дня. Тайп мог пригодиться и на других раскопах. Риг Виолю хотелось вернуться с Ирцельдом, всегда удачно угадывавшим, где стóит копать. Друзья — Оа Рцел (в просторечном сокращении — Ирцельд) и сёстры Леда и Дзолла Стэц — позвали из-за горы.

Впрочем, не обладая чувствительностью Ирцельда, Риг Виоль не мог различить, были ли с ним обе сестры или только Леда. Ему показалось также, что с друзьями находится кто-то ещё.

Дружба Рига с Ирцельдом началась еще в прошлой экспедиции, когда оба испытали одинаковое чувство, разглядывая эллинские кратёры и амфорески, отмокавшие в специальных больших сосудах. Эти вещи — так показалось им обоим — как будто радовались, что через пять тысячелетий снова видят солнечный свет, что их снова касаются человеческие руки. И кто-то из старшекурсников сказал тогда, что от эллинских находок исходит ощущение абсолютной юности. И им обоим запомнилось это сочетание слов: “абсолютная юность”.

¹ Твой крик пройдёт, как ветер по высотам, / Клоня сильней большие дерева; / И это будет для тебя почётом. — Данте. Рай, XVII, ст. 133-135 (итал.) — Перевод М. Лозинского.

Из-за Головы Дракона выдвинулся край солнечного диска, и Риг Виоль поднял руку в безмолвном приветствии. Скоро поворот направо, пологий подъём на ближнюю гору по старой дороге и трудный спуск прямо к морю по крутой, почти отвесной тропе.

Не прерывая бега, Риг продолжал свою любимую игру. Он сочинял языки. Точнее, он сочинял грамматики. Риг Виоль наделял их всем тем, чего ему не хватало в его родном земном языке и в известных ему древних языках Земли и других планет. Кроме того, Риг Виоль стремился, чтобы звучание слов как можно полнее соответствовало их значению. Когда-то он привёл в восторг Леду и Дзоллу Стэц тем, что “матовый” будет *вештик*, а “корявый, неровный” — *цхамджюль* [tʃam'dʒyːl]. А Леде понравились три разных слова для неба: одно для звёздного — *фацэро*, другое — для ярко-голубого — *чиэль*, и третье — *нубэйно* — для затянутого тучами. Интересно, какое созвучие подошло бы для сиреневых небес Планет Зелёной Звезды, где рос Арисота и где Риг Виоль никогда не бывал?

Размышляя над этим вопросом, юноша споткнулся и едва не упал враспяжку на щебнистой дороге — она всё же оказалась более *цхамджюль*, чем хотелось бы. Рассмеявшись, он перешёл на шаг: начался подъём в гору.

Примерно через полчаса пути Риг Виоль остановился и оглянулся.

Были те недолгие минуты прозрачного летнего утра, когда солнце уже печёт, но роса еще не успела вернуться в родное небо, ещё медлит на кончиках травинок, в чашечках и на лепестках цветов. Поросший бурой травой склон казался бархатным, широкими складками он спускался в низину, отделявшую гору от остальной части полуострова. Риг Виоль называл это место Долиной Динозавров. Сходство холмов с ископаемыми гигантами было особенно заметно сверху — вот одинокая исполинская зверюга (ладно, пусть “зверюга”, — подумал Риг, — хоть и пресмыкающееся, а всё-таки теплокровное), вон динозавриха с динозаврятами. Кстати, а была ли у них забота о потомстве, вообще не характерная для рептилий? Надо будет спросить биологов. Или связаться через СДФ² с Хранилищем знаний.

² Многие реалии заимствованы из романов И. А. Ефремова “Туманность Андромеды” и “Час Быка”. СДФ — личный робот-девятиножка. От латинских слов, означающих “слуга, защитник, носильщик”.

Риг Виоль пребывал в том счастливом возрасте, когда ещё не приходит в голову делить знания на нужные и ненужные. Если вдруг стало интересно — значит, нужно, значит, будем искать. Юноша снова засмеялся — теперь уже своим мыслям, — продолжая путь.

Нет, всё-таки у них удивительный курс! Прошло чуть больше года с их поступления в Институт древних языков и древних цивилизаций Земли, а им уже есть чему поучиться не только у преподавателей, но и друг у друга. Оа Рцел читает в оригинале русскую поэзию, сестер Стэц увлек Древний Тибет — Дзолла углубилась в его военную историю, а Леда изучает астрономию и медицину — у тибетцев эти две области знания были объединены. А Гриона Тэлли уже может преподавать латынь (латынь, как и санскрит, в Институте изучали все). Гриона мечтает написать исследование о древних *poëtae Ovidiani* — так называли поэтов, писавших в манере Овидия. Она находит — и делилась этими мыслями с сокурсниками, — что традиция объединять Овидия с *poëtae Ovidiani* явилась последним отголоском ещё более древней концепции художественного творчества, когда не существовало понятия авторства, то есть автор, конечно, был, но он считался не создателем, а как бы *открывателем* произведения, которое существует и без него, но только неявно.

В общем, всё это очень не похоже на увлечение сестры Ирцельда. Линна Оор — курсант Школы Звёздного Флота. Она занимается физикой пространства и мечтает об экспедиции на звездолёте прямого луча. Мечта Риг Виоля тоже связана с космосом. Но о той экспедиции, планы которой тайно строил этот вовсе не скрытный юноша, не знал даже Тайп, не догадывались даже близкие друзья.

Всё, что нам удаётся совершить в жизни стоящего, есть служение нашей ушедшей юности. Всё, что нам удаётся совершить в жизни стоящего, совершается во исполнение нашей юношеской мечты — пусть уже почти угасшей, пусть уже давно неосуществимой — и всё-таки животворящей.

Риг Виоль закончил подъём и вышел на горизонтальный участок дороги в полусотне метров ниже вершины горы.

“Большое плечо” — вспомнил он слова Тайпа. Тот рассказывал, что древнее название горы принято переводить как “большое поселение” (когда-то здесь, видимо, были источники), но есть и другая этимология: “большое плечо”. Геоморфологическая структура на стыке ровного края горы и крутого склона действительно напоминала

мускулистое плечо атлета. За ним, чуть левее, чётким чёрным силуэтом выделялась на фоне яркого неба Голова Дракона.

Риг вспомнил описание склона из письма сокурсницы: “Представь себе грушу хвостиком вниз. Представил? Чуть наклони её. Разрежь вдоль. Готово? Теперь мысленно удали мякоть, оставь только кожицу и плодоножку. Это и будет склон горы, по которому ведёт к морю каменистая тропа”. Сейчас Риг спускался по этой тропе, чувствуя, что до него здесь шёл незнакомый человек, которого предстоит скоро увидеть.

Тропинка почти отвесно сбегала на небольшой песчано-галечный пляж (вся остальная часть восточного берега широкого мыса была засыпана огромными валунами, торчащими из воды и громоздящимися на склон). На невысокой скале стоял Оа Рцел, завернутый в длинный кусок белой ткани, напоминавший античную тунику.

— Привет, Ирцельд, — закричал юноша, ловко прыгая по гигантским камням. — Ты тут стоишь, как некий Пупий Цеций Кукулеус.

— Кто?

— Пупий Цеций Кукулеус. — Риг расхохотался. — Ну... не знаю. Так, само сказалось. Привет, девочки.

Обе “девочки” — Гриона и Леда, — встретили Риг Виоля радостными возгласами, а Гриона добавила:

— Слушайте, братцы, — под “братцами”, очевидно, имелась ввиду также и Леда Стэц — а ведь *Пупий Цеций Кукулеус* (последние три слова были сказаны с расстановкой) заслуживает, по меньшей мере, биографии. Ты, наверное, голоден? — спросила она Рига, переходя на обычный тон.

— Да, но сначала — в море! — ответил Риг Виоль, швыряя Леде сигнальный браслет. — Позови мой СДФ. Я отправил его вплавь, и он должен быть где-то неподалёку, — крикнул он уже из воды.

Ни девушки, ни Риг Виоль, ни Оа Рцел не знали, конечно, что с этой шутки началась новая страница летописи их курса. Будет написана “биография” Цеция, Гриона Тэлли “обнаружит” латинские элегии Пупия Цеция Кукулеуса и несколько “сохранившихся” отрывков из писем Цеция к друзьям. Пройдёт много лет, и ежегодные встречи своей ватаги все они будут именовать не иначе, как “Конгрессами Общества по изучению Пупия Цеция Кукулеуса”.

Вспомните Ваши студенческие годы. Многое из того, что не имело, казалось бы, никакого значения *тогда*, приобрело его, став

прошлым. Эти мгновения прошлого светят нам сквозь толщу лет, далёкие, как звёзды. Звёзды слагаются в созвездия памяти. Зачем нужны созвездия, объяснить нельзя, но с ними хорошо. Может быть, ещё и потому, что они путеводны.

Ни о чём таком сокурсники Риг Виоля, конечно, не думали сейчас, разворачивая сложенное веером параболическое зеркало из тончайшей пленки, закрепляя в его фокусе сосуды с едой и направляя несложный прибор на солнце.

— Опреснитель не нужен? — спросил Риг, отряхиваясь на берегу.

— Нет, спасибо, здесь есть источник. Когда спадёт жара, ходим к нему. Там красиво. Только много ос, — ответила Гриона Тэлли и махнула рукой в направлении южной оконечности мыса.

В той стороне, куда показала девушка, появился пловец. Он приближался быстро, и вскоре можно было различить крупные, но правильные черты его лица, прямой нос, совсем не похожий на вздёрнутый нос Риг Виоля, чёрные смоляные волосы, длиннее, чем обычно принято было носить в экспедициях, широко, почти как у Ирцельда, расставленные глаза. Незнакомец вышел на песок и провёл руками по волосам, вглядываясь в белобрысого и курносого юношу, недавно пришедшего на стоянку. Сиреневатая кожа пловца выдавала в нём колониста — потомка землян, переселившихся несколько веков назад на Планеты Зелёного Солнца.

— Так вы и есть Арисота Крат? — сорвалось у юноши.

— Арисота, это Риг Виоль, специалист по структурной лингвистике, — представил сокурсника Оа Рцел.

— Ну какой я специалист, — смутился тот.

— По прозвищу Бальдр, — как ни в чём не бывало добавила Гриона.

— Бальдр — это... — полувопросительно произнёс Арисота.

— Это из древнегерманских мифов, — подхватила Леда. — Риг, мы едва упросили Арисоту оставить нам Ирцельда. Они всё время вместе — как это называлось у вас в России — водой не разольёшь.

— Оа помогает мне учить русский язык, — сказал колонист. Может быть, сумею присоединиться к его группе.

— Там, куда ты плавал, интересно? — спросила Гриона, как бы подводя черту под представлениями. Биофизик был старше студентов лет на десять, но, видимо, все уже перешли на “ты”.

— Маленькая круглая бухта перед самым мысом, зажатая почти отвесными стенами. И базальтовые платформы — знаете, такие

совершенно цельные: когда текла лава — застыла и не растрескалась. А почвенный слой сверху не образовался. Или образовался, а потом его смыло. (“Это более вероятно”, — подумал Риг Виоль.) Кончик мыса указывает прямо на юг и выдвигается довольно далеко в море, глубина сразу метров двадцать — еле донырнул, — и широкая плоская скала у самого берега. Во время шторма, наверное, волны перехлёстывают через неё. А чуть выше — овальный грот, размером с небольшую комнату.

— Да, всё именно так, — негромко сказал Оа Рцел, обращаясь к одному Арисоте и глядя ему прямо в глаза.

“Как будто *соприкоснулись взглядами*, — мысленно уточнил Риг Виоль. — А, так значит, и Ирцельд уже побывал там”, — успел он подумать, прежде чем тот поставил его в тупик следующей фразой, тоже обращённой только к биофизику:

— Надо будет сплавать: хочется посмотреть теперь самому и сравнить. Леда, мы поплывём к восточному гроту? — перебил он сам себя. Помнишь, я рассказывал, такая узкая стрельчатая щель, — Оа Рцел показал руками, — и на стенах внутри полупрозрачные кристаллы кварца. А завтра посмотрим круглую бухту.

После обычных ежедневных занятий по индивидуальным программам — учёба не прерывалась и в экспедиции — Ирцельд и Леда удалились к стрельчатому гроту — готическому, как, наверное, сказал бы Тайп; Арисота, сделав несколько упражнений для сосредоточения, вновь углубился в учебник русского языка, а Гриона Тэлли увела Риг Виоля на родник (“где осы”) и дальше на мыс, о котором говорил биофизик. Когда они вернулись, Арисота негромко беседовал с Ирцельдом:

— Вот видишь, Оа, а после ночёвки на вершине горы всё пошло по-другому. Я зависал на высоте своего роста на час и больше — и не чувствовал упадка сил. Казалось, что смогу долететь до стоянки, и, наверное, действительно смог бы. А потом я передал тебе с мыса всё, что там видел.

— Завтра поплывем туда вместе. Всё-таки надо сравнить, всё ли я принял таким, каким увидел ты. Ночевать будешь снова на горе?

— Да, Оа. Такое чувство, как будто наполняешься силой. Я говорю не о мышечной усталости, а о коррекции биополя. Как будто поле всей планеты втекает в тебя через эту гору.

— С тех пор, как мы здесь, — заговорил Ирцельд, — всё время напрашивается сравнение этих двух гор с полюсами магнита. Но только это не магнитное и, конечно, не электрическое поле. Та гора —

он кивнул в сторону Головы Дракона, невидимой отсюда за скальными мысами, — та гора как бы соединена в моём восприятии с женским началом, а эта — с мужским. Почему это так, объяснить не могу; на чём основано моё ощущение — не знаю (именно потому, что это *ощущение*). — Оа Рцел заметил, что Гриона внимательно слушает. — А берег между двумя горами и чуть дальше — как бы *помечен* этим... — Оа чуть помедлил, подбирая слово, — этим квазимагнитным полем.

— В древности, — зазвучало в наступившей тишине глубокое контральто Грионы Тэлли, — была легенда, что среди береговых скал Головы Дракона, — она показала на восток, где, невидимая отсюда за толщей известняка, вставала вдаль из моря базальтовая гора, более древняя, чем сам полуостров, — среди пещер, гротов и бухт находился вход в Аид — подземное царство мёртвых. А у подножья другой горы — той, где мы сейчас, — выход из Аида. И тоже где-то у моря.

— Если бы здесь были древние китайцы, — вступила в разговор Леда, — они вспомнили бы о началах Инь и Ян. Между прочим, в состав обоих иероглифов почему-то входит элемент, означающий *невысокую гору*.³ С Хонной Кминт Арисота пока не знаком?

— Нет, Леда. Хонна Кминт, — добавил Оа Рцел для Арисоты, — занимается древними системами коррекции биополя. Индия, Тибет, Дальний Восток... Она уже более сотни лет посвятила этим занятиям.

— Но нам она известна больше как специалист по текстам, — вставил Риг Виоль.

— Тексты — без того, что в них написано? — улыбнулся биофизик.

— Вы заставили меня вспомнить один старинный лингвистический анекдот, Арисота, — высокий голос Риг Виоля зазвенел задорными нотками. — В конце ЭРМ⁴, незадолго до Лжесоциализма, в России жил великий лингвист, санскритолог.

³ 陽 (阳) yáng, 陰 (阴) yīn.

⁴ В повести принята ефремовская периодизация истории. За Эрой Разобщённого Мира (ЭРМ) следуют ЭМВ — Эра Мирового Воссоединения, ЭОТ — Эра Общего Труда, ЭВК — Эра Великого Кольца (время действия романа «Туманность Андромеды») и ЭВР — Эра Встретившихся Рук (Время действия романа «Час Быка»). Заметим попутно, что действие повести И. А. Ефремова «*Cog Serpentis*» («Сердце Змеи»), написанной на одном дыхании с «Туманностью Андромеды» и примыкающей к ней в идейно-эстетическом отношении, развивается в иной временной развертке, к которой едва ли применима указанная периодизация.

Однажды он поехал в Берлин читать хранившиеся там санскритские рукописи. На обратном пути с ним разговорился сосед по купе. И как только услышал о санскритских рукописях, — а тогда в России был всплеск интереса к древнеиндийским сокровенным знаниям, — глаза его заблестели и он спросил, нет, спросил: “Ну так что?! — Риг Виоль старался показать, каким дрожащим голосом вопрошал сосед по купе и как у него горели глаза. — Что же в них написано?!” — “А я не помню, — отвечал санскритолог. — Меня интересовали мор-фе-мы”.

Дружный смех был ему наградой.

Оа Рцел сказал:

— Хонну Кминт хорошо знает моя сестра-близнец, Линна Оор. Она учится в Школе Звёздного Флота и одновременно, под руководством ментора из Академии пределов знания, готовится исследовать прорывы Шакти — Тамас. Не удивляйтесь: в Академии считают, что в эту проблематику трудно прийти в зрелом возрасте, и предпочитают брать только очень молодых. Насколько мне известно, Хонна Кминт имела отношение к выбору сестры. Я соединю вас, — он кивнул биофизику и продолжал, снова обращаясь только к нему:

— На западном склоне той горы, — Оа Рцел опять указал на северо-восток, — есть обширная площадка над обрывом к морю. Я называю её молитвенным плоскогорьем. Одно из самых *помеченных* мест. (Арисота Крат чуть наклонил голову в знак понимания.) Значит, как условились. Я лечу туда (ну, не выдержу лететь сам — долечу на планере, доберусь пешком, неважно), ты будешь на вершине холма здесь. И начнём передачу.

— Точнее, обмен.

— Точнее, обмен.

— Только не забывай, что лететь без аппарата над морем у нас пока не очень получается.

Оа Рцел и Арисота улыбнулись, видимо, вспомнив, как это “не очень получается”.

Все пятеро молодых людей, не сговариваясь, вошли в уже потемневшую, но ещё прозрачную, как дымчатый горный хрусталь, воду и сделали вплавь широкий круг, провожая приблизившееся к юго-западному склону ещё яркое, но уже не ослепительное солнце. Потом вернулись на стоянку и вновь принялись за книги и учебные стереофильмы. С наступлением темноты Оа Рцел включил защитное поле девятиножки (здесь водилась всякая живность) и, растянувшись на подстилке, широко раскрыл глаза, погружая взгляд в бездонное многозвёздное небо, где над крутым мысом высоко вознеслось

созвездие Северной Короны. “Con-siderare” — всплыло в сознании Оа Рцела латинское слово: “размышлять”, буквально — “быть со звёздами”. Оа Рцел уснул, лишь смутно догадываясь, сколь глубокие перемены принесет в их жизнь долгая череда событий, которой сегодня они положили начало.

Именно в этот день со звездолёта прямого луча “Эрг Ноор” в созвездии Северной Короны была открыта планета Сонора.

ГЛАВА II. ЦВЕТЫ И КАМНИ

Лагерь экспедиции находился на вершине холма, увенчанного голубовато-белой полукруглой скалой. Место выбрал Цоль Вэг — не по каким-то признакам, которые считал целесообразным для того-то и того-то, а просто выбрал. По наитию. Все знали, что Цоль — вещий, как будто физически ощущая то поле спокойной уверенности, которое создавал вокруг себя этот уже немолодой астронавт. Цоль Вэг принадлежал к числу тех редких людей, каждый из которых вызывает у окружающих безотчётное желание быть рядом с ним и делать, как он скажет. Наверное, в древности такие люди становились полководцами, политиками, жрецами. Цоль Вэг стал начальником седьмой экспедиции на планету Сонора.

Экспедицию доставил сюда звездолёт прямого луча “Лоэнгрин”, ведомый легендарным Вит Сваном, открывшим планету двадцать лет назад. Чтобы быстро и безопасно провести ЗПЛ сквозь десятки световых лет, нужно было не просто знать, а помнить чувствами весь путь в нуль-пространстве с его страшными ундуляциями Тамаса⁵ — неведомого антимира, откуда никто не возвращался, — и не менее грозными провалами в наше пространство Шапти в недра звёзд. Зигзаги и повороты пути едва нащупывались приборами, и только изошрённая чувствительность нескольких сотен особенно утончённых — но и наиболее тренированных психически людей, многократно усиленная занятиями искусством, давала возможность, в сочетании с безукоризненным владением приборами, спокойно и твёрдо провести звездолёт по узкой, как лезвие бритвы, грани двух миров и выйти в

⁵ Представления о физике пространства заимствованы из романа проф. И. А. Ефремова “Час Быка”.

пространство Шакти к заранее заданной точке — туда, где в лучах золотистой звезды сияла великолепная Сонора.

Почти отвесный обрыв левого берега широкой реки чёткой золотисто-оранжевой лентой уходил на юг от холма экспедиции к далёкому горизонту, где терялся среди изумрудных плосковершинных гор, преграждавших путь к океану. Место недавнего тектонического разлома, привлекавшее физиков и планетологов, не было видно из жилой комнаты Первого связиста экспедиции Оа Рцела, закрытое отвесными утёсами в стороне островных гор⁶ справа.

Солнце уже проделало треть пути с запада на восток (у планеты было обратное вращение, как у нашей Венеры), и серебристая вдали река здесь, у подножья холма, сияла чистой голубизной. Солнечный луч, отражённый извивом реки, коснулся золотого тиснения на корешке книги, и взгляд Ирцельда, оторвавшись от окна, скользнул по книжной полке.

Уже давно люди научились хранить информацию на мнемокристаллах (“памятных звёздочках”), заменявших в пути, в отшельничестве, в экспедициях гигантские библиотеки. И всё равно почти каждый брал с собой любимые книги.

Вспомните: не хотелось ли Вам, разыскивая на стеллажах библиотеки однажды прочитанную полюбившуюся книгу, найти то самое издание, с тем же расположением текста на листах, набранное тем же шрифтом? Ведь на каждой из книг — на её страницах, на корешке, на обложке, — остаются незримые глазу напластования тех чувств, которые Вы испытывали, читая её в первый раз. Не измеримое никакими приборами, остаётся тепло Ваших рук — и рук тех, кто листал её прежде Вас. Остаются, наконец, и пометы на полях.

Вот четырёхтомник “Истории Торманса”, подаренный автором — прадедушкой Кими. “История систем коррекции биополя” Хонны Кминт — тоже авторский подарок. Читанная сестрой новелла Валентина Рандина “Песня синей планеты” — их любимое литературное произведение ЭОТ (Эры Общего Труда). Томик Ахматовой на русском языке — её и Гумилева Старшего Оа Рцел часто читал вместе с Риг Виолем и Арисотой. Четыре Веды. Самая первая — Ригведа — самая зачитанная. Всё. Остальное — на мнемокристаллах. “Звёздочки” хранили и записи любимых произведений музыки и живописи, записи фильмов, театральных

⁶ Островная гора — гора, отдельно стоящая на равнине, как Арарат или Фудзияма.

постановок, голографические портреты близких людей и снимки милых сердцу уголков Земли и других планет.

Оа Рцел сделал несколько пассивных руками, давая знак своему СДФ. Тотчас же в комнате повеяло запахом морских брызг и разогретой земным солнцем сухой травы; возникло изображение скалистой оконечности тонкого мыса посреди синих прозрачных волн, в которых играли подводные искры — понтелы. На самом краю, в полуметре над почти беспенными гребнями, стояла, обратясь лицом на юг и высоко подняв правую руку в немом приветствии, обнажённая светловолосая девушка. Сильный южный ветер поднял и разметал густую копну золотистых волос Леды Стэц, и искры света, брошенные солнцем в высоко взлетевшие волны волос девушки, казалось, вторили понтелам.

Ирцельду на миг представилось, что он слышит голос Леды, читающей по-русски их любимые строки:

Встречаться только на вершине,
Где ослепительны снега,
И знать, что дали вечно сини,
Что недоступны берега.

Вершина была для русского поэта, конечно, глубоко символическим понятием...

Раздался тихий мелодичный звон: СДФ, заранее настроенный Ирцельдом, доложил о прохождении “Лоэнгринна”, обращавшегося на низкой орбите.

“Там Аэда Виль... Там Вит Сван... “Вит Сван” на древнем языке означает “Белый Лебедь”, — пронеслось в мозгу звездолётчика. Оа Рцел, не меняя горизонтального положения, усилием воли поднялся над своим жёстким ложем и завис на высоте вытянутой руки. “Поразительно, как всё *такое* легко на этой планете”, — подумалось ему снова.

Впрочем, хорошо умели левитировать почти все земляне, в ком была кровь обитателей планеты системы Эпсилон Тукана. В Ирцельде была. Ещё со времён первых ЗПЛ, ставших мостом между землянами и краснокожими туканцами, ещё с тех времён, когда главным вектором прогресса человечества было стремление всё быстрее преодолевать всё большие расстояния, а нынешнее смещение этого вектора в сторону развития не столько техники, сколько скрытых возможностей самого человека, его третьей сигнальной системы,

ясновидения, умения предчувствовать будущее, передавать без слов свои мысли и чувства другим людям, — только намечалось, — ещё с тех времён исследователи из числа первых потомков от смешанных браков землян и туканцев стали обращать внимание на аналогии в методах развития способностей Прямого луча на планете звезды Эпсилон Тукана и в некоторых древних цивилизациях Земли. Именно тогда на уже заселённых землянами планетах Зелёного Солнца исследователям стало ясно, что биополе человека не просто вложено, а как бы *вживлено* в биополе родной планеты. И люди принялись изучать эту связь, чтобы заниматься коррекцией биополя и развитием запредельных способностей в новых для человечества магнитных средах только что освоенных планет. Открытая двадцать лет назад Сонора стала великолепным подарком для всех, кто связал с этим свою жизнь. Способности Прямого луча здесь обострились настолько, что Цоль Вэг даже обронил однажды слова “опасная лёгкость”.

Во всяком случае, сейчас Оа Рцел совершенно ясно почувствовал, что его зовет Второй связист экспедиции Арисота Крат.

Оа плавно перевернулся в воздухе, мысленно напрягся и несколько бóльшим усилием открыл дверь — до неё было шагов пять. Дверь послушно вдвинулась в стену. Оа Рцел выплыл в широкий проход, полукольцом окаймлявший холм экспедиции. Действительно, Арисота ждал, зависнув на той же высоте, что и его напарник.

Между ними произошёл обмен репликами, который привёл бы в изумление любого, не принадлежащего к Обществу друзей Пупия Цеция Куколеуса:

— Неуправляемая противотанковая подводная лодка с вертикальным взлётом! — выпалил Оа Рцел вместо приветствия.

— Троично-непарнокопытное! — секунду помедлив, ответил ему Арисота.

Этот странный диалог имел своей основой одну из традиций Общества друзей Пупия Цеция: разрешалось (и даже поощрялось) приветствовать друг друга нереферентными словосочетаниями, то есть такими, означаемое которых невозможно или очень трудно себе представить. Отвечать полагалось тем же. Основоположником традиции был Риг Виоль (Бальдр). (“Ты не Бальдр, ты Локи⁷”, — сказала ему тогда Леда Стэц.)

Сейчас Бальдр на Земле, готовится к экспедиции на Плутон, что довольно неожиданно для специалиста по структурной лингвистике.

⁷ Локи — в древнегерманской мифологии антипод Бальдра.

История космонавтики сохранила память об отважной шестерке путешественников, предпринявшей на планетолёте “Амат” в четырёхста восьмом году Эры Великого Кольца рискованную экспедицию на планету мрака. Но их интересные находки затмила Тридцать седьмая Звёздная, чьи удивительные открытия привлекли внимание Совета Звездоплавания к планете Железной звезды и в значительной мере предопределили направления дальнейших космических исследований. А потом — потом трудный для экспедиций Плутон отошёл в общественном сознании на второй план. Были первые ЗПЛ, было освоение планет Зелёного Солнца, были регулярные рейсы к Эпсилону Тукана и к планете Тор-Ми-Осс.

Тор-Ми-Осс, или Торманс, как по привычке называли планету люди старших поколений, не имел ещё звездолётов прямого луча. И не в силу своей технической отсталости. Тормансианская ветвь человечества ещё сравнительно недавно вышла из инферно, и на планете было ещё сравнительно мало людей, обладавших достаточной для вождения ЗПЛ изощрённостью чувств и интуиции. Те же, кто выгодно отличался этими качествами, не были достаточно закалены и тренированы психически, так что их утончённая чувствительность могла в условиях страшного сверхнапряжения пути на грани чудовищных провалов в Антимир обернуться нервным срывом и душевным расстройством. Тормансианскому человечеству, едва сбросившему оковы общественного неустройства, ещё предстоял долгий путь по лезвию бритвы между двух искушений: соблазном чрезмерной приспособленности ко всё ещё грубоватой правде жизни — приспособленности, которая мешает развиваться тонким чувствам и глубокому пониманию, — и соблазном незащищённой чувствительности, когда разрыв между мечтой и окружающим миром становится кровотокающей раной, которая не помогает, а мешает высшему творчеству, а на фоне однообразия будней в прежние времена была чревата импульсивной безответственностью.

Как и большинству людей Земли, эти проблемы были совершенно чужды Оа Рцелу и Арисоте, плавно опустившимся на цветочную поляну в пойме широкой реки под густо-синим небом Соноры.

— Слушай, Ари, это те самые растения, которыми интересовались Аэда Виль и биологи?

— Да. Тó-то меня сюда так тянуло! Аэда, перед тем, как улететь с базы на “Лоэнгрин”, жалела, что не успеет понаблюдать за ними.

— Возьмем образцы или...

— Лучше установим здесь аппаратуру. Наши СДФ уже близко.

— Хоть какое-то занятие в долгих перерывах между нашей основной работой. Мы здесь часто выступаем в роли лаборантов — не сидеть же без дела, — ответил Ирцельд, — а то почувствуешь себя каким-то... Иванушкой-Дурачком.

— Кстати, Иванушка-Дурачок, насколько я могу судить, — твой любимый сказочный персонаж, — поддразнил Арисота друга. — И должен возразить: это не *хоть какое-то* занятие. Здесь скоро понадобятся твои и мои способности. Нужно будет понаблюдать — по просьбе Аэды Виль и биологов, — за биополем этих цветов (приборы недостаточно чувствительны). Но, конечно, после того главного, ради чего мы здесь.

— Но это же почти невозможно! Биополя растений едва поддаются описанию: нет терминологии, даже для того, что нам удастся почувствовать — если вообще что-нибудь удастся.

— Да. Риг Виоль, наверное, не справился бы. Ведь он не очень веший. Впрочем, все мы *не очень вещице* — в сравнении с такими, как Цоль Вэг и Хонна Кминт.

— У Рига другие заботы. Он сейчас готовится к экспедиции на Плутон.

— На Плутон?! — брови Арисоты чуть приподнялись.

— Да. Что действительно странно для специалиста по структурной лингвистике. Но Бальдр упомянул об этом так, что было ясно: ему не хочется раскрывать деталей. И я не стал спрашивать.

— А у нас сейчас, как, наверное, сказал бы твой Иванушка-Дурачок...

— Такой же мой, как и твой. И заметь, он выходит победителем из любых передраг.

— Согласен. Итак, как сказал бы Иванушка-Дурачок, не служба, а службишка. Выбрать хорошее место для будущей базы планетологов на тектоническом разломе. Как это говорит Риг Виоль полу-в-шутку, полу-всерьёз — такое место, чтобы там легко дышалось и пелось. Планетологи уже давно стремятся к этому разлому. Глубокая впадина, вроде Мёртвого моря, но там очень тонкая земная кора, — звездолётчик не придал значения кажущейся языковой неувязке: на *Соноре* не могло быть *земной* коры, — магма недалеко от поверхности, какие-то переменные магнитные аномалии... Цоль говорил, что это место вызывает у него неясные опасения.

Арисота закончил установку датчиков и, пройдясь колесом, плюхнулся в траву. Ирцельд любовался игрой красок в речной долине:

ярко-оранжевый обрыв левого берега к пойме, диоптазовые луга, бирюзовая гладь воды.

— Думаешь, что сказал бы Бхартрихари?

— Угу. Повторял его шлоку, где нанизаны слова, которые прочитываются и как названия растений, и как названия минералов, а в конце — “...и вся она казалась сделанной из драгоценных камней”.⁸
— Ирцельд помолчал минуту. — Как мало таких планет! — с лёгкой, но не грустной улыбкой сказал он другу. — Можно ходить без скафандра. Босиком. Дышать без маски. Можно купаться в море. — Ирцельд улегся в траву.

— Только не забывай, — умерил его пыл Арисота, — здесь ничего нельзя есть. Никаких плодов, вообще ничего. Одна из аминокислот, из которых слагаются их белки, смертельно ядовита для нас. А всё равно! — здесь! — здорово!!

Лёгкий прохладный ветер колыхал травинки, сквозь их изумрудную и хризопразовую сеть были видны вдали жемчужные кучевые облака, едва заметно оттенённые розоватыми бликами от скал над свежим тектоническим разломом. Ярко-оранжевый крупный песок с золотыми блестками породы, напоминающей земной халькопирит, прорезывала хрустальная струйка воды, бегущей из родника в нескольких шагах от путешественников. Порыв ветра наклонил упругий стебель цветка, и его лепестки соприкоснулись с веками Ирцельда.

— Par les soirs bleus d'été j'irai dans les centiers,
Picoté par les blés, fouler l'herbe menue, —

принялся он цитировать древнего поэта.

— Rêveur, j'en sentirai la fraîcheur a mes pieds, —

подхватил Арисота, —

Je laisserai le vent baigner ma tête nue.⁹

⁸ मुखेन चन्द्रकान्तेन महानीलैः शिरोरुहैः।
पाणिभ्यां पद्मरागाभ्यां रेजे रत्नमयीव सा ॥

⁹ Перевод И. Анненского: “Один из голубых и мягких вечеров... / Стебли колючие и нежный шёлк тропинки, / И свежесть ранняя на бархате ковров, / И ночи первые на волосах росинки”. Перевод Б. Лившица: “В сапфире сумерек пойду я вдоль межи, / Ступая по траве подошвою босою. / Лицо исколют мне

— Слушай, Ирцельд, — вдруг перебил он сам себя, — твоё необычное имя...

— Оа?

— Да. Мы так давно знакомы, но... Это от предков на планете Эпсилон Тукана?

— Верно. Рцел — звучит скорее по-тормансиански. Так захотел Кими. Оа — на планете аметистовых морей звезды Эпсилон Тукана звучит совсем обычно. А я “окрестил” (как сказали бы в древности) праправнука Хонны Кминт, ставшего потом курсантом Линны, когда она вернулась попреподавать в Школу Звёздного Флота сразу после своей первой экспедиции. Дал ему русское имя “Игорь”.

Арисота уже сидел на траве, скрестив ноги, и Ирцельд последовал его примеру.

— А ты помнишь свою реакцию, когда мы вдвоём обсуждали предстоящую вечеринку и я собирался привести к нам женщину-скульптора с планет Зелёной Звезды?

— Клох Вурл?

— Да. Клох Вурл. Ты тогда сказал мне: “Ой! А она не кусается?”

— Помню, — засмеялся Ирцельд. А Бальдр, когда ты всех с ней знакомил, сказал ей: “Ваше имя словно изваяно из камня”.

— Так вóт, у нас на планетах Зелёной Звезды, — продолжал колонист, — сочетание звуков “Клох Вурл” не вызывает никаких таких ассоциаций. Язык тот же, вроде бы и фонетика та же, но уже произошёл скрытый, латентный языковой сдвиг — несмотря на то, что мы, как правило, прилетаем учиться на Землю. Единство языка скоро станет проблемой для планет, населённых землянами.

— Мы вспоминали сейчас французского поэта, и ты вызвал в моей памяти одну лингвистическую историю, рассказанную Бальдру и мне нашим преподавателем русского языка. Как-то в одной радиопередаче в Древней России, в областном городе, кажется, в Нижнем Новгороде, объявляли па-де-де (такой танец) из классического балета. Французский язык, как ты помнишь, был вторым языком традиционной русской культуры (примерно как шумерский для аккадцев или греческий для римлян), — точнее, одной из её двух ветвей — русская культура, по выражению Тэй Рама,

колосья спелой ржи, / И придорожный куст обдаст меня росой”. Перевод В. Мякушевича: “Направлюсь вечером я прямо в синеву; / Колосья соблазнят мечтателя щекоткой; / Коснётся ветер щек, и я примну траву, / Беспечно странствуя стремительной походкой”. — А. Рембо (франц.)

раздвоилась за двести лет до Лжесоциализма. Диктор вписал слова “па-де-де” по-французски, но сделал сразу две или три орфографических ошибки. Риг рассказывал про совпадения рукописных букв, долго пересказывать, в чём там было дело с этими совпадениями, но коллега диктора, почему-то сменивший его, воспринял рукописную вставку как бы по-русски и объявил по радио *раздедѣх* из балета “Лебединое озеро”.

— И что? — серьёзно спросил Арисота.

— Ты прекрасно знаешь русский язык. Но тебе не смешно. Мне тоже. А Риг Виоль хохотал до упаду. Такого слова нет — “раздедѣх”. Но псевдослово “раздедѣх”, как потом объяснял Риг, — а ведь он знает языки лучше любого из нас, — чисто подсознательно, чисто фоносемантически вызывает ассоциации, несовместимые с классическим балетом. И вот почему я это помню. Часто юмор древних текстов ускользает от нас. Легенда о Нале и Дамайнти, над которой заливаются слезами первокурсницы, по-моему, юмористическое произведение.

Арисота изумлённо уставился на друга. Потом сказал:

— Постой... А-а-а, там, где игральные кости превращаются в стаю лебедей?

— Да. И где появляется и сразу исчезает лесной а́шрам. В сущности, положительная пародия.

— Да и вообще, — подхватил биофизик, — смешное начинается уже с того эпизода, когда описаны обстоятельства, позволившие демону Кали вселиться в добродетельного героя... Но впрочем, я ещё не ответил тебе, чем привлекли Аэду Виль эти цветы. — Арисота погладил рукой сиреневый семилепестковый венчик и последовал за Ирцельдом, который уже поднялся над поляной и поплыл, продолжая путь. СДФ послушно засеменили вслед.

— Итак, Аэда Виль просила последить за биополем этих цветов. Не знаю, с какой стороны подступиться. Это, пожалуй, будет труднее, чем с дельфинами. Помнишь, я говорил тебе, что познакомился с Цоль Вэгом благодаря Бальдру в экспедиции по сигнальной системе дельфинов?

— Недалеко от того места, где двадцать лет назад впервые встретились мы трое?

— Да. В семнадцати километрах от тех раскопок и под Молитвенным Плоскогорьем. Риг изучал вторую сигнальную систему дельфинов, а Цоль Вэг занимался квазимагнитным, или, если угодно, парамагнитным, контактом (пси-связью). Я запомнил на всю жизнь

прикосновение к дельфину. Мощное, очень мощное поле. Цоль полагает, что им можно лечить. Но установить и поддерживать парамагнитный контакт с дельфинами — так, чтобы, например, обмениваться воспринимаемыми изображениями, — это потруднее, чем учить древние языки. А полевой контакт с растениями — ещё труднее.

— Так всё-таки?

— По мнению Аэды Виль, — продолжал Арисота, — у этих цветковых растений (здесь есть цветы — и, похоже, они появились раньше, чем на Земле) — необычный симбиоз с растениями другого биологического вида: некоторые функции их жизненного цикла связаны с тем, что они должны взаимодействовать биополями.

— Как мы с тобой!

— Да, как мы с тобой. Ведь когда мы вместе, у нас активизируются способности Прямого луча: легче выходить на дальнюю связь, точнее приём / передача. Обостряется интуиция.

— И легче левитировать. Тем более — на Соноре.

— Тем более — на Соноре.

— Кстати, на Земле, — заметил Ирцельд, — никакая болтовня в левитационном полёте немислима: ты там весь в одном усилии — держаться в воздухе и лететь.

— Даже когда мы вдвоём... Слушай, а может быть, Риг Виоль не *менее вещей*, а просто не нашёл... Ну, в общем, у каждого из нас по отдельности такие способности примерно на одном уровне с Бальдром (биофизик не заметил, как опять перешёл на студенческие прозвища. Риг Виоль снова стал для своих сокурсников Бальдром.) Может быть, Бальдр просто не нашёл своего — как это сказать... двойника?!

— В Обществе друзей Пупия Цеция Куколеуса, — улыбнулся Оа Рцел, — есть... кстати, смотри, мы уже почти над разломом, я хорошо помню эти острые скалы... — так вот, есть египтолог, Тайп. Ты знаешь, я не люблю Египет...

— Как и я.

— Как и ты. Но интересно: Тайп рассказывал, что был в истории “Чёрной Земли” (Та-Кем) период времени, когда египтяне считали смыслом жизни поиски двойника. Величайшим счастьем было — найти двойника. Величайшей потерей... — Оа Рцел не успел договорить.

ГЛАВА III. ВАЛЬКИРИЯ НАД СРАЖЁННЫМ ВОИНОМ

— Линна, что с вами? — в не слишком просторных помещениях звездолёта прямого луча “Данте” люди невольно разговаривали тише обычного.

Молодая черноволосая женщина с ярко-синими, как у Арисоты, глазами и твёрдыми правильными чертами смугловатого лица приподняла голову, беспомощно лежавшую на вытянутых руках на пульте музыкальной настройки.

— Не знаю. Тошно мне, Игорёк.

— Последствия прыжка через нуль-пространство? Ведь никогда и никто не уходил ещё в такую даль от Местного скопления галактик.

— Нет, совсем не это. — Звездолётчица посмотрела прямо в глаза бывшему ученику, давно уже ставшему товарищем по сверхдальним экспедициям. — Ирцельду плохо.

Игорь молчал, понимая, что говорить должен не он. “На таком расстоянии?!” — промелькнуло в мозгу астрофизика.

— Ничего, — улыбнулся Линна Оор, резким движением головы как бы стряхивая с себя дурноту. — Справлюсь с этим как-нибудь, — добавила она по-русски. — Эйру и мне раскисать никак нельзя. Да и вам ни к чему. Давайте послушаем вот это, — звездолётчица мгновенно выбрала музыкальную запись из десятков тысяч, хранившихся в памяти машины.

А в это время начальник экспедиции инженер аннигиляционных установок Квиргу Эйр склонился с пилотами над пультом бортовой ЭВМ, только что закончившей расчёт точки выхода из нуль-пространства. Фонотека, где слушали музыку астрофизик Игорь Крон и Первый связист Линна Оор, находилась близко, как и всё на “Данте”, и Квиргу Эйр зашёл, привлечённый незнакомой музыкой.

— Бат-тер-фляй, — отчеканил Игорь, обращаясь к Линне и командиру.

Эйр полувопросительно улыбнулся.

— Музыка всегда похожа на волны, — объяснил астрофизик. — Сейчас — как будто плывешь баттерфляем, а волны навстречу всё крутые, высокие, крепкие. И бодрящие такие, прохладные. Солонуватые. Не как в Атлантике, а как волны Эвксинского Понта¹⁰.

— Пойдемте, Крон, — в голосе командира звучало нескрываемое одобрение: как и все пилоты ЗПЛ, Квиргу Эйр любил неожиданные ассоциации. — Нужно проверить, устроит ли вас точка выхода: расчёт готов. Линна, вы с нами? — больше из вежливости уточнил командир.

— Нет, идите. Я посижу здесь.

Оставшись одна, звездолётчица откинулась в жестковатом кресле и дотронулась до фиолетовой клеммы, включив обзорные экраны. Среди почти полного мрака окружающего космоса справа от пульта сияла в неопишемом великолепии Местная система галактик, в которой опытный глаз исследовательницы без труда узнавал двойную спираль родной звёздной системы с двумя спутниками — светящимися облаками — и ближайший к нам большой звёздный остров — галактику М-31, или Туманность Андромеды. Линна Θоор предалась воспоминаниям.

Их корабль не был, в отличие от других ЗПЛ, только транспортным средством. Звездолёт прямого луча “Данте” был построен специально для исследования физики пространства, и каждый член экипажа одновременно являлся участником научной программы экспедиции. Достигая в нуль-пространстве заранее заданной точки (заданной — по отношению к ориентирам нашего пространства Шакти), “Данте” как бы ощупывал оттуда своими приборами неведомый и невидимый антимир — Тамас, возвращение из которого оставалось невозможным. Пока существовали только самые общие догадки относительно того, что может находиться в Тамасе в точках, соответствующих тем или иным объектам пространства Шакти — насколько вообще можно было говорить о соответствии точек разных пространств. Для чистоты эксперимента звездолёт удалился на максимально допустимое расстояние от всех известных скоплений материи, однако главная трудность состояла в том, что невозможно создать приборы для измерения того, чего сама физическая

¹⁰ Чёрного моря.

сущность оставалась пока за гранью осмысления. Игорь, Квиргу и Линна — члены экипажа, обладавшие наибольшей изоцирэнностью чувств и достаточно стойкие, чтобы не терять сознание, скользя над пропастью Антимира, — постарались запомнить свои ощущения в точке выхода из первого прыжка через нуль-пространство и, сопоставив их, выстроили образный ряд. Тогда же — а с тех пор прошло шесть недель — Первый связист Линна Оор передала этот ряд и показания приборов на Сонору, где находился передовой пост Дальней связи. Уже многие люди на Земле и других заселённых землянами планетах могли без приборов передавать своим партнёрам на большие расстояния образы и эмоции. Но лишь немногие вещи владели даром передавать то, что сухо называлось прецизионными объектами: ряды цифр; слова, фразы и тексты; всё то, что можно нарисовать, или записать, или синтезировать на фоногенераторе.

Когда-то считалось, что пси-связь не зависит от расстояния. Позже выяснилось, что это верно для расстояний не более нескольких световых лет, а при значительном удалении партнёров друг от друга оказалось, что бóльшие дистанции требуют бóльшего психического напряжения связистов. Потом неожиданным образом стали обнаруживаться пары удалённых друг от друга точек, удобные для Дальней связи, как если бы они были близки в пространстве. Вероятно, они и были близки — но в каком-то *под-* или, наоборот, *сверхпространственном* исчислении, как могут быть близки точки на соседних ветвях туго скрученной спирали. Видимо, район, где сейчас находился “Данте”, готовясь ко второму прыжку, был достаточно близок в этом гипотетическом исчислении к планетной системе, в которую входила Сонора.

Существовал только термин — “сопряжённые точки”; никакому упорядочению подобные наблюдения, отрывочные и разрозненные, пока не поддавались.

Через двое суток исследователям предстояло вернуться в Галактику, но не к обжитым землянами планетным системам, а к её внешнему краю, в пояс рентгеновских звёзд — туда, где чуть было не погиб на обратном пути с Торманса звездолёт прямого луча “Тёмное Пламя”, и, бросив корабль в третий, короткий, прыжок, подойти в нуль-пространстве к точке, выход из которой в наше пространство Шапти означал бы появление “Данте” в центре квазара (и, естественно, мгновенную гибель звездолёта вместе с экипажем). В этой точке предстояло, не выходя в Шапти, повторить всё то, что было проделано в отдалении от звёздных островов (“на отшибе”, как

выразился астронавигатор Звельт Корс), записать показания приборов и запомнить собственные ощущения, для которых в языке вряд ли найдутся слова. Затем, продолжив скольжение в нуль-пространстве, вынырнуть в Шапти не в какой-то заданной точке (это потребовало бы от пилотов такого напряжения, на которое они едва ли будут способны после зависания в нуль-пространстве над центром квазара — *над* или *под*?) а хотя бы где-нибудь на достаточно безопасном расстоянии от крупных небесных тел и мощных гравитационных полей. Оттуда сразу же провести второй сеанс Дальней связи с Сонорой. Там же, после двух-трёх недель отдыха, выполнить расчёты четвёртого прыжка — к Солнечной системе. К Земле.

Линна Оор вспоминала недавнюю дискуссию между пилотами. Звельт Корс, весёлый, стройный и очень высокий, стоял, скрестив руки на груди, на фоне вот этого экрана, где сейчас только бездонная чернота межгалактических пространств, и его стальной тенор звенел нескрываемым вызовом неисчислимым килопарсекам. Корс предлагал объединить второй и третий прыжки: выйти отсюда сразу на центр квазара, сократив тем самым риск, неизбежно возрастающий с каждым новым погружением в нуль-пространство. Квиргу Эйр отклонил его идею:

— Для таких расстояний возможен лишь приблизительный расчёт точки выхода. До возвращения в Шапти мы не сможем проверить, действительно ли “Данте” находится там, куда мы стремимся. Риск не снизится, а возрастет, ибо мы не будем знать, как увести звездолёт от нейтронной звезды для достаточно безопасного выхода в обычное пространство.

Риск был заложен в самой основе экспедиции, в сравнении с которой все плановые исследования Соноры оказывались не более, чем тихой лабораторной работой. В случае гибели “Данте” человечеству останется всё то, что будет передано Линной Оор брату-близнецу — партнёру по Дальней связи. Приём и передача столь разноплановой информации, тем более на сверхдальних расстояниях, требовали почти невообразимых для большинства людей психических усилий, поэтому связист “Лоэнгрин” Оа Рцел выйдет на Дальний контакт, как бывало и прежде, в паре со своим биофизическим “двойником” — Арисотой Кратом.

Любые лучи или радиоволны шли бы отсюда в Галактику миллионы лет.

* * *

Место гибели Арисоты, сорвавшегося в полёте в момент резкого перепада или внезапного скачка — это оставалось невыясненным — квазимагнитного поля Соноры над скалами свежего тектонического разлома, не было видно с холма экспедиции, и только мнемокристалл СДФ с поразительной реальностью воссоздавал его изображение в комнате Оа Рцела. Четыре серебристые спирали расходились от рубинового кристалла, вставленного в обелиск из полупрозрачного тёмно-зелёного камня, искрящегося внутренними огнями, подобно земному авантюрину. На голографическом портрете чуть выше спиралей биофизик и скульптор Минда Кэри изобразила Арисоту смеющимся — таким, каким его особенно часто вспоминали друзья. Ярко-синие глаза, редкие у сиреневокожих колонистов, казалось, излучали ту удивительную психическую силу, ту спокойную, без тени высокомерия, уверенность в себе, которую замечал каждый общавшийся со звездолётчиком.

У Арисоты — это знал Ирцельд — оставалась неисполненная мечта: рассчитать и построить для морей планеты Зелёного Солнца большой парусник, совсем необычный. Такой, чтобы все материалы выше ватерлинии были сверхлёгкими, а паруса — радиоуправляемыми. Теперь это осталось друзьям. И парусник, конечно, будет назван “Арисота Крат”.

Оа Рцел провел ладонью между собой и СДФ, и диорама исчезла. “Троично ты моё непарнокопытное”, — ласково сказал он девятиножке. Девятиножка ничего не ответила.

На пульте загорелся сигнал вызова, но связист заранее перевел свой прибор в режим “соединять только при крайней необходимости”. Вызывавший не настаивал.

К чувству вины за гибель друга — оно оставалось, как ни разубеждал связиста Цоль Вэг, — добавилась тревога и за свою миссию на этой планете. Собственно, Арисота попал в экспедицию благодаря Ирцельду, — и справится ли Ирцельд без него? Выдержит ли всё то, что ему предстоит через несколько недель? И как он после этого придет себя? Скольких лет жизни будет стоить то единственное, ради чего он здесь, ради чего именно он, Ирцельд Вещий, брат-

близнец астролётчицы Линны Оор, был включен в состав экспедиции “Лоэнгринна”?

...И это неистребимое желание — “прокрутить” на несколько дней назад, когда всё ещё можно было исправить...

Взгляд Оа Рцела остановился на томике Ахматовой, читанном столько раз вместе с Арисотой. Память звездолётчика вновь наполнили русские звуки:

...А за проволокой колючей,
В самом сердце тайги дремучей —
Я не знаю, который год, —
Ставший горстью лагерной пыли,
Ставший сказкой из страшной были,
Мой двойник на допрос идет.

(“Здесь “двойник” — не в “египетском” смысле. Под “двойником” она, конечно, имела ввиду самоё себя, но с которой случилось то, что в действительности только *могло* случиться.”)

А потом он идет с допроса,
Двум посланцам Девки безносой
Суждено охранять его.
И я слышу даже отсюда —
Неужели это не чудо! —
Звуки голоса своего...

“И я слышу даже *отсюда...*” ... “Мой двойник на допрос идет...” — отозвалось глухим эхом в глубине сознания.

— Ей было вéдомо многое, — думал звездолётчик, — может быть, и такое, к чему мы только начинаем подступаться. Но это... Чтó это? Косвенное свидетельство того, что время ветвится? Контакт с какой-то точкой на другой ветви? — Оа Рцел быстро набросал несколько фраз на листе бумаги: “Ветвление времени? В каких-то точках (квантуется)? Или бесконечно часто? Какой мощности бесконечность?” — Мысли закружились в вихре — и вдруг пришло ощущение абсолютного запрета. Или это только усталость? Усталость чувств после внезапной гибели друга и двойника (в том смысле, в котором это слово существовало только для них двоих), двойника, с которым можно было говорить обо всём, и он понимал с полуслова? — Мы знаем, — мысли Ирцельда повернули в другую сторону, — ещё со времён первых ЗПЛ, — что структура времени нелинейна. Спираль — виток за витком, — закрученная в спираль второго порядка, и так

далее. (Где предел и есть ли он? — подумал Оа Рцел, не подозревая, что повторяет слова Фай Родис в её пути по краю бездны.) Некоторые витки спирали соприкасаются или близки. Может быть, в этом — сущность ясновидения? И главное: мы, вещи, пробиваемся сквозь пространство, а можно ли пробиться сквозь время?

Можно ли пробиться сквозь время — вопрос, не дающий покоя ему, историку, уже много лет. Как хочется почувствовать Россию! Не просто узнать из исторических книг, не просто представить по произведениям искусства, а именно почувствовать самому! В преодолении пространства способности Прямого луча позволяют не кружиться в бесконечно наматывающейся спирали, а пронизать её и сразу выйти к, казалось бы, удалённой точке (к любой ли?) И — неожиданная параллель — не повторяет ли всем известная структура белковых молекул, пусть упрощённо, структуру спирального пространства и спирального времени? Как мало ещё знает человечество — даже на Земле! — чтобы хоть попытаться ответить на эти вопросы!

А в это время на Земле Риг Виоль, уже готовый назавтра отправиться на космодром, проводил последний перед экспедицией свободный день в своих любимых местах — над устьем реки, в древности называвшейся Маной. Поднявшись на стартовую башню, он взглянул вниз, обводя глазами зелёные сопки с буровато-оранжевыми скалами на вершинах. Сопки вздымались, зелёные вблизи и тёмно-синие у горизонта, сколько хватал глаз, огромными застывшими волнами бескрайнего фантастического моря, непостижимым образом остановившегося в своём движении. Была весна. В тайге оголтело цвело всё, что только может цвести, и склоны сопок над Маной и Енисеем были кое-где белы от черемухи, словно их присыпало снегом, который здесь и до лета лежал в расщелинах между скал, куда не заглядывало солнце.

Место для башни Хонна Кминт выбирала с толком: здесь почти у каждого усиливались способности Прямого Луча. Порыв ветра охватил Риг Виоля, будто окунул его в волны цветущей черемухи. Вдали набирала высоту в восходящем потоке большая птица.

Риг Виоль внутренне напрягся, сделал над собой усилие и плавно отделился от стартовой площадки. Повернулся в воздухе и вытянул руки вперёд. Не шевелясь и внутренне напрягшись ещё сильнее, усилием воли набрал скорость, пролетел над рекой, над широким распадком и приземлился на плоской вершине скального столба над бело-зелёной сопкой. Прежде, чем начать спуск, посидел,

отдыхая, на теплом шершавом камне, любуясь весенней тайгой, и, вспомнив, как когда-то учили его летать друзья, ушедшие на “Лознгрине” к далёкой Соноре, мысленно послал им немой привет. Через несколько дней и ему предстоит окунуться в неведомое.

В это мгновение у Ирцельда отлегло от сердца. Через секунду он почувствовал призыв Цоль Вэга, терпеливо ждавшего в небольшом зале, называвшемся, как на корабле, кают-компанией.

— Рад, что вы пришли, Оа, — обычно спокойный и почти без интонаций голос Цоль Вэга теперь звучал тепло и прочувствованно.

Оа Рцел обвел взглядом знакомую кают-компанию и полувопросительно посмотрел на начальника. Тот наклонил голову, как бы говоря: “Да, это сделал я”.

Незастеклённую внутреннюю стену овального зала, где обычно находилось изображение архитектурного комплекса Совета Звездоплавания, теперь, после гибели Арисоты, занимала в точности воспроизведённая с памятной “звёздочки” СДФ картина древнего русского художника.

На голубом в сумеречном свете снегу лежал, запрокинув белокурую голову и сомкнув глаза в вечном сне, тонкий юноша в старинном доспехе. Длинные пальцы узкой руки уже не сжимали рукоять упавшего в снег меча. Лунные блики на миг застыли на ненужном теперь алом круглом щите, синевато-стальном шлеме и бледном лице юноши. Над ним, на фоне светящегося облака, стояла, не касаясь земли, призрачная воительница с белым конём, прилетевшая унести душу убитого в область блаженства — Валгаллу. Короткая двойная надпись на русском и современном языках сообщала имя художника и название картины: “Валькирия над сражённым воином”.

— Вспомним, — продолжал Цоль Вэг, вновь переведя взгляд с картины на собеседника, — что сделано и что предстоит сделать. Мы перенастроили СДФ на более точное сопровождение. Если в полёте снова случится скачкообразная перемена квазимагнитности планеты, левитирующий попадёт в защитное силовое поле девятиножки, неотступно находящейся строго вертикально внизу. (“Момент наивысшей бдительности обычно наступает после того, как неприятное событие состоялось”, — промелькнула в мозгу Ирцельда фраза из воспоминаний русского государственного деятеля Эпохи Подмены Понятий.) Я попросил всех воздержаться от полётов над тектоническим разломом и его окрестностями. Место для будущего лагеря физиков и планетологов — выбрано. — Цоль Вэг говорил чуть

медленнее обычного, и Ирцельд чувствовал каждое мгновение, что речь обращена именно к нему. Рука Цоль Вэга легла на руку связиста, и тот ощутил в себе неожиданно разлившийся покой. — Как бы ни было нам тяжело, не станем строить иллюзии, будто ничего не случилось, или пытаться делать вид, что считаем бывшее небывшим. Предыдущий сеанс вы блестяще провели вместе, и я помню обращённые к вам слова Аэды Виль: “Вас двое, но вы *один* связист”. Теперь вам, Оа, предстоит работать одному, мы же будем только помогать вам. Я как начальник экспедиции ответствен за смерть Арисоты не в меньшей, а в большей степени, чем вы, Оа. Да, я понимаю: Арисота попал в экспедицию благодаря вам, но вы — благодаря Линне, и эти решения Совета Звездоплавания лишь соответствуют конфигурации контакта. Сейчас я позову Аэду, — Цоль Вэг секунду помолчал, сосредоточившись на мысленном зове. — Остаются ли прежними ваши планы на период после экспедиции?

— Да, и теперь они пополнились новыми. Во-первых, то, что мы собирались сделать с вами вместе. Проверить, действительно ли *полевая помеченность* (сохраним этот термин) определённых мест на планете соотносится с совпадениями вершин икосаэдров и додекаэдров, мысленно наложенных на её поверхность. Проверить дважды на Соноре: “привязывая” вершины многоугольников к магнитному полюсу и к полюсу вращения планеты. То же самое — сразу после экспедиции на Земле. Подозреваю, что здесь будет труднее: Сонора слишком фонит.

— Недаром Вит Сван дал ей такое название¹¹.

— Во-вторых, — и это уже только на Земле, — по теме “ислам и нефть”. Было бы интересно принять посильное участие в проверке вашей гипотезы, но буду рад, если вы поясните ещё раз её сущность.

— Пожалуйста. Выбор веры, даже тогда, когда он совершался добровольно, очень редко происходил по основаниям собственно идеологическим и рациональным, по согласию или несогласию с догмами. Когда вы входите в древний храм, видите изображения (давайте представим, что вы ещё и наблюдаете обряд), — вы безотчётно испытываете чисто подсознательное ощущение: “своё” или “чужое”, “по мне” или “не по мне”. Ведь так?

— Да. Мы были с Тайпом в храмах Древнего Египта, цивилизацию которого одинаково не любим. Но у меня подсознательное и сознательное совпадало: полное неприятие, — а

¹¹ *Sonora* по-латыни “звонкая”.

Тайп *чувствами* принимал эту культуру. Ему в ней было хорошо (если говорить о чисто полевом ощущении). Иное дело — храмы Эллады, где я люблю бывать вместе с Риг Виолем и Ледой Стэц. Это наше. Не только потому, что наша культура наследует России, Индии и Элладе. Просто наше, по ощущению. Я принял бы их религию легко и радостно, хоть и не разделяю её догматику.

— Следовательно, ваш внутренний настрой может быть созвучен или не созвучен той или иной религии. Это ещё более бессознательное, чем художественный вкус, который всё же в значительной степени определяется воспитанием и образованием. Далее. Вы помните, мы вместе ездили в Дели. Вы сразу же сказали о сильном впечатлении от помеченности этого места. Не храмов, не культур, не дворцов (мы в тот момент ещё не побывали ни в одном храме или музее), а именно места.

— Да, я помню. Я затруднился найти зрительный образ для своего полевого ощущения, но подобрал слуховой: “ласковый бас”.

— Да, вы именно так охарактеризовали делийскую квазимагнитность.

— И она заметно отличается от другой, тоже очень сильной, квазимагнитности родного города Риг Виоля, чье название переводится с древнего языка как “угол ветров”.¹² То поле *властно бодрит*, делийское — *властно успокаивает*. В древности, когда большинство людей путешествовали мало и недалеко, вряд ли были исследования на эту тему. Ведь нужно, чтобы путешественник оказался не только чувствителен, но и внимателен к подобного рода ощущениям.

— Вы ведь были в Дели как раз после Виндхука, не так ли? И сказали: “Делийское поле *перенастроило* меня”. Значит, поле того или иного места может перенастраивать поле человека. Но мы знаем, что квазимагнитность безразлична к геологии, прежде всего к синклиналям и антиклиналям. — По лицам обоих собеседников пробежала мгновенная тень: слишком свежи были в памяти обстоятельства гибели товарища. Но звездолётчики умели держать себя в руках, и Цоль Вэг продолжал так же спокойно: — Характер квазимагнитности зависит и от наличия большого количества нефти близко к земной поверхности. Мне хотелось бы проверить степень сходства и совместимости полевых ощущений, связанных с нефтеносными районами, и того подсознательного настроения, который

¹² Виндхук.

связан с исламским культом. Как вы знаете, почему-то именно в нефтеносных районах эта религия укоренялась особенно легко.

— Может быть, это случайность?

— Конечно, может. Для того и проверка. Но ведь чем неожиданнее связь, чем более разнотипные объекты оказываются связаны друг с другом, тем более неожиданные и замечательные результаты может дать человечеству её обнаружение, хотя никогда нельзя сказать заранее, каким образом это произойдет.

— Благодарю вас, Цоль, теперь суть вашего предположения ясна для меня вполне. Но едва ли я вживусь в образы ислама. А знакомых специалистов по этой культуре у меня нет. Ведь мы больше изучаем то, чему наследуем.

— У меня тоже нет. Но ведь есть египтологи, есть Тайп и его учителя, хотя мы не наследуем и культуре Древнего Египта.

Оа Рцел усмехнулся:

— Пару лет назад мы с Тайпом обнаружили, что для того периода, которым я занимаюсь (Эпоха Подмены Понятий), древнеегипетские реминисценции отчётливо прослеживаются в субкультуре преступного мира.

Поражённый, Цоль Вэг остановившимся взглядом несколько секунд смотрел в глаза историку, пока тот не пришёл ему на помощь:

— Думаю, что через Тайпа мы и выйдем на нужных нам специалистов, обладающих к тому же способностями Прямого луча.

— Если таковые существуют.

— Поговорим с Тайпом на Земле.

— Итак, для вас это отпадает?

— По-видимому, да.

— Вы говорили о том, что теперь добавилось, Оа?

— Да, Цоль. Вы знаете о сверхлёгком паруснике “Арисота Крат” для морей одной из планет Зелёной Звезды. Пусть это будет одним из подвигов Геркулеса¹³ для группы школьников третьего цикла. Придется взять двойное менторство.

— Двойное?

— Арисота был ментором одного юноши, Ксана. Ксан собирался под его руководством совершить свой седьмой подвиг: полный грамматический комментарий к каждой фразе в дошедших до нас стихах Александра Блока на русском языке. Этим он сделает их

¹³ Реалия, заимствованная из романов И. А. Ефремова “Туманность Андромеды” и “Час Быка”.

доступными для тех, кто только начинает учить русский. Я решил заменить Арисоту для Ксана. Если, конечно, Ксан согласится, — чуть тише добавил историк. — А сыновья Арисоты уже взрослые.

— Вы знаете, Оа, — сказал вдруг начальник экспедиции, — я советовал бы вам прочесть лекцию.

— ?

— Для нас всех. О том времени и о том регионе, по которым вы специализируетесь. Пусть это и прозвучит некоторым... *дивертисментом* в работе экспедиции, но нам всем будет интересно, а к вам, поверьте, вернётся ваша здоровая уверенность в себе.

В кают-компанию неслышно вошла женщина с пепельно-русыми волосами и пристальным взглядом ярких серых глаз на лице, которое Арисота Крат когда-то назвал в разговоре с Ирцельдом *незапоминающимся*. Ей не было ещё и ста лет, но, проработав почти всю сознательную жизнь в Академии пределов знания, Аэда Виль превосходила весь экипаж “Лоэнгрин”, даже Цоль Вэга, широтой научной эрудиции. Начав с работ по проблематике правизны/левизны, в которую пришла из биогеохимии благодаря знакомству с трудами Вернадского, исследовательница вскоре занялась биофизикой и гносеологией, а ещё через тридцать лет — физикой переходов пространство/поле и взаимосвязями Шакти/Тамас (пространства и антипространства). На Соноре она как гносеолог оказалась фактическим координатором большей части научных исследований.

— Оа, вот результаты обработки данных, полученных вами от Линны Оор шесть недель назад. Вы готовы?

— Да.

ГЛАВА IV. СНЕЖНАЯ ГРОЗА

Синие сумерки Соноры сгущались, и острое зрение Ирцельда уже позволяло ему видеть в обычный бинокль земное Солнце — едва различимую слабую звёздочку, поднимающуюся на тёмно-сапфировом небосклоне над местом гибели Арисоты Крата. Знакомое созвездие Эридана с трудом угадывалось в чуждом землянину расположении светил. В той же стороне, между Ригелем и Ахернаром, находилось видимое отсюда только в мощные телескопы зелёное солнце родной планеты ушедшего астронавта.

Сонора не имела спутников, и только сполохи далёких зарниц на севере да угасавший на востоке закат¹⁴ нарушали многозвездье неба.

Трое звездолётчиков стояли на смотровой площадке на вершине горы под силиколовым колпаком, от которого опускалась к подножию, спирально овивая коническую островную гору, прозрачная галерея, идущая далее к лагерю экспедиции. Если бы Гора Дальней связи не была плотно заселена животными и птицами этой удивительной планеты, Цоль Вэг выбрал бы именно её для базового лагеря. Сюда приходили полюбоваться бескрайними далями и сосредоточиться перед трудной работой.

— Аэда, почему Совет Звездоплавания не хочет заселить эту планету? — спросил Ирцельд, опуская бинокль. — Неужели только из-за обратного вращения?

— Это не главная причина, Оа, хотя вы верно подметили связь между направлением вращения Соноры и несовместимостью её биосферы с земным метаболизмом. Любые выбросы живого вещества Земли здесь чреваты появлением совершенно новых микроорганизмов, и трудно сказать, как это отразится на экологическом равновесии планеты.

— В чём же *главная* причина?

¹⁴ См. начало второй главы.

— Недостаток, как это обычно бывает, является продолжением достоинства. Опасная лёгкость, по выражению Цоля, — учёная сделала жест в сторону начальника экспедиции. — Мы уже используем Сонору в качестве передового поста Дальней связи — задача, ради которой вы здесь, на Земле была бы невыполнима. Но мы просто не знаем, чем обернётся при длительном — десятки лет — пребывании на этой планете тот почти неправдоподобный подъём душевных сил, который испытываем здесь мы все и который во время первой экспедиции так поразил Вит Свана. Мы не знаем, чем будет чревато это резкое, скачкообразное усиление третьей сигнальной системы. Чтением мыслей? Но тогда возникнут этические проблемы, к решению которых мы вряд ли будем готовы. Произойдет ломка привычных стереотипов поведения, а что взамен?

— Я понял вас, Аэда. Есть такие стихи древнего поэта, переведённые Арисотой за несколько дней до... до вашего отлёта на “Лознгрин”:

...А пока — в неизвестном живём
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнём,
Обжигаем себя и других...

— Вы знаете, Ирцельд, — внимательные глаза Аэды Виль пристально и с нескрываемым уважением глядели на историка, — Россия последних десятилетий перед Эпохой Подмены Понятий — они называли их Серебряным Веком — удивительно близка и созвучна нашим современным исканиям.

— “До неистового цветенья / Оставалось лишь раз вздохнуть...” — Помните? Это перевод Фай Родис. Она высоко ценила русскую поэзию.

— Как знать, может быть, и мы стоим сейчас на пороге неистового расцвета — стоит только заселить Сонору, — задумчиво возразила самой себе Аэда Виль. — Как знать?..

— На Земле третья сигнальная чрезвычайно развита у дельфинов, — заметил Цоль Вэг. — Наши с вами, Оа, способности Прямого луча по их меркам были бы самыми ординарными, если не ниже.

— Вот заселим Сонору, станем дельфинчиками, — весело подытожил Ирцельд.

— Отрастим плавнички! — последняя реплика Аэды Виль утонула в дружном смехе, смешавшемся с неожиданным шумом ливня.

Оа Рцел отключил свечение прозрачного материала, из которого был сделан купол, и несколько минут звездолётчики молча любовались голубыми, розовыми, оранжевыми, серо-стальными и зеленоватыми молниями, вспыхивающими с разных сторон и расчерчивающими небо многоветвистыми узорами, похожими на крупные реки с притоками, видимые с околоземных орбит. Иногда лучи разноцветных молний перекрещивались, и струящиеся по силиколовому куполу обильные потоки влаги на миг загорались внезапными переливами оттенков.

— Хочется верить, как вообще хочется верить в жизни во всё хорошее, — шутливо заметил Оа Рцел, — что этот весёлый ливень не унесет наших датчиков, установленных на пойменном лугу. Уж больно интересные цветы эти септапеталии.¹⁵

— Наши биохимики, — сказала Аэда Виль, — надеются получить из них эликсир молодости. У септапеталий сложный ритм смены поколений. Мы считали их разными биологическими видами, но оказалось, что одно и то же растение цветёт дважды, меняясь до неузнаваемости. При этом биополю цветов первого жизненного цикла необходимо взаимодействовать с биополем второго, и наоборот.

— А вы знаете, что полевое взаимодействие растений было открыто у нас в России? — Оа Рцел отметил про себя, насколько естественно прозвучало из его уст это “у нас в России”.

— Раньше. В Бенгалии, — возразил Цоль Вэг.

— Оа Рцел прав, — сказала Аэда Виль. — Не сам феномен биополя растений, а межвидовое взаимодействие. В маленьком городе на Алтае с труднопроизносимым для нас названием.

— Бийск, — уточнил Ирцельд. — Там научились записывать их биополе и, воспроизводя его при опылении цветков, получать, казалось бы, немислимые гибриды эволюционно далёких друг от друга растений.

— Это было, — добавила Аэда Виль, — вскоре после Первого Социализма. — Аэда заметила, как поморщился историк. — Вы не согласны?

— С термином. Но продолжайте. Ведь у вас только что появилась неожиданная для вас самой мысль.

¹⁵ Семилепестковые (латинск.)

— Вот оно, чтение мыслей на Соноре, — полушутя заметил начальник экспедиции.

— Вы правы, Ирцельд, — улыбнулась исследовательница. Этот цветок, расцветающий дважды, и — в галерее — наш разговор о России наводят на интересную аналогию с... Вы знакомы с историей Тибета?

— Жена Оа Рцела — тибетолог, — ответил за историка Цоль Вэг.

— Знаток тибетской астрономии и медицины, — уточнил звездолётчик. — А её сестра — специалист по военной истории Тибета.

— Замечательно! Вы помните хронологию периода, связанного с именами Сронцангамбо, Лангдармы и Тисрондецана?

— “Сронцангамбо
был царем
дважды...” —

пропел звездолётчик строку из песни, сложенной ещё в студенческие годы сестрами Стэц. — Да, помню.

Оглушительный раскат грома заставил всех на несколько секунд замолчать. В тревожном мерцании разноцветных молний, озаривших со всех сторон Гору Дальней связи, стали видны крупные хлопья снега.

— Снежная гроза! — восхищённо воскликнула учёная.

— Да! — Цоль Вэг, как зачарованный, глядел на кружение снежных спиралей в проноссящихся над горой неистовых вихрях. — Бывает и на Земле. И всё равно — не веришь своим глазам!

Ирцельд полувопросительно посмотрел на собеседницу, как бы приглашая к продолжению разговора.

— Судьба социализма в России повторяет судьбу буддизма в Тибете — вот о чём я сейчас подумала.

— Интересно, — насторожился историк.

— Вспомните: первый раз буддизм в Тибете был введён основателем Лхасы, современником Тайцзуна и Харши Варданы, цэнпо Сронцангамбо.

— Сронцангамбо — это вырванные глаза и отрезанные головы у подножья железного холма в Лхасе, — тихо и отчётливо произнес Цоль Вэг. — Не стало жестокого цэнпо, и “чёрная вера” *бон* вернулась.

— После Сронцангамбо первый тибетский буддизм отступил, но не исчез, — возразила Аэда Виль. — То усиливаясь, как при более стговорчивом Тисрондецане, то ослабевая, как при Лангдарме, первый тибетский буддизм просуществовал более двухсот лет, и когда он пал и сама тибетская держава с гибелью Шан Кунжо прекратила существование (современники, видимо, думали, что навсегда), могло показаться, что теперь буддизм если когда-нибудь и восторжествует, то уж где-где, но только не в Тибете. — Аэда остановилась, явно ожидая реплики Ирцельда.

— Большевистские эксперименты над Россией отдалили торжество коммунизма, то есть избавление от социальной безысходности, или, говоря словами Кин Руха, выход из инферно, на сотни лет, — сказал историк. — Я понимаю вас, Аэда. Но... Впрочем, продолжайте.

— Я не знаю, что значит “большевизм”, — сказала Аэда Виль.

— Людям коммунистического общества и не надо этого знать, — с почти неприличным неожиданным ожесточением выговорил Ирцельд и, опомнившись, добавил: — Потом расскажу. В лекции. Извините. Продолжайте, пожалуйста.

— Прошло ещё двести лет. Родился Миларайба. Именно с его чудесными стихами, а не с железной рукой Сронцангамбо и не с политической гибкостью Тисрондецана связан сегодня в нашем сознании приход буддизма к тибетцам. Мягкий и неотвратимый, как рассвет. А само название страны звучало в любом уголке планеты синонимом слов “цитадель буддизма”.

— Миларайба был буддистом до мозга костей, и тем не менее, — улыбнулся Ирцельд, — у него есть стихи, обращённые к женщине.

— Только не понимаю, Оа, — вставил Цоль Вэг, и в его немолодых глазах появились лукавые огоньки, — осуждаете вы Миларайбу или защищаете?

— Защищаю. А с Аэдой Виль согласен лишь отчасти. Буддизм — это идеология. В то время как социализм и коммунизм — это такие системы экономических отношений.

— Буддизм в какой-то степени тоже система экономических отношений.

— В очень небольшой. В ещё меньшей, чем коммунизм — идеология. Хотя у людей той эпохи, которую не совсем правильно называют Первым Социализмом, слова “социализм” и “коммунизм” ассоциировались, по-видимому, в первую очередь с идеологическими доктринами. Впрочем, хотите — верьте, хотите — нет, многие из этих

людей полагали также, что буддизм и йога — это такие виды спорта. По-французски “faire du jogging”, буквально — “заниматься йогой”, фактически означало “бегать по утрам вокруг дома”.

— Вы уже второй раз обращаете наше внимание на неадекватность термина “Первый Социализм”, — подтолкнула историка Аэда Виль.

— Неудачное устоявшееся название. Оно дезориентирует наших современников, если только Эпоха Подмены Понятий не является объектом их пристального изучения. Люди первых коммунистических эр вспоминали лжесоциализм — мы предпочитаем *такой* термин, — мягко говоря, без особенного энтузиазма. Само слово впервые употребил, по-видимому, Эрф Ром.¹⁶ Его последователю Тэй Раму принадлежит попытка систематического и более подробного изложения основ общей теории лжесоциализма, который на Земле просуществовал недолго. А вот на Тормансе, где всё повторилось, этот “цветок” расцвел махровым цветом.

— Тэй Рам... Имя созвучно нашим. А вы знаете обстоятельства его жизни? — помолчав, спросила историка Аэда Виль.

— В деталях — не знаю. “Тэй Рам” — это псевдоним. Кими сравнительно недавно установил настоящее имя, которое я не запомнил. Но помню другие его слова: “Тэй Рам был абсолютно русским человеком, и не в каком-то смысле, а на самом деле”. Кими рассказывал, что судьба Тэй Рама была трагична. Само название его книги звучало для современников нелепицей. Фоном его деятельности явились криминальный компрадорский капитализм и разгул субпассионариев, пришедшие в России на смену лжесоциализму. Тэй Рам часто вспоминал фразу, которую сказал о себе Данте после разрыва с белыми гвельфами: “Я составляю партию из самого себя”. Современники, склонные в политике считать только до двух, воспринимали любую попытку глубокой критики лжесоциализма (который они, заметьте, отождествляли с начальной стадией коммунистической формации) как защиту новой криминальной власти, не менее безосновательно называвшей себя греческим термином *ἡ δῆμοκρατία* (хэ-дэмократиа — “народное правление”). Те же, кто предпочитал новые безобразия десятилетиям бесправия, горя и позора — ибо теперь ограбленным (и каждодневно ограбляемым) предоставлялась бóльшая, чем при лжесоциализме, свобода выбора в использовании недоотбранного у них, — они считали неприятие

¹⁶ “Эрф Ром” — гетероним И. А. Ефремова в тексте “Часа Быка”.

капитализма как такового посягательством даже на эту мизерную свободу, воспринимали его как попытку защитить лжесоциализм.

— То есть Тэй Рама не поняли ни те, ни другие?

— Не совсем так. Прежде, чем быть понятым или не понятым, нужно сначала быть услышанным.

— Но ведь кто-то же слышал?

— Сторонникам капитализма в России его идеи были изначально чужды — это понятно. Кстати, есть косвенные признаки того, что сторонниками капитализации в то время становились, как ни парадоксально, именно люди с позитивным мироощущением — в нормальных условиях наиболее ценные для общества. А среди противников капитализации были довольно широко распространены убеждения, которые Тэй Рам в шутку называл эзотерическим большевизмом.

— То есть?

— Эти люди в глубине души считали невозможным построение бесклассового коммунистического общества, в котором осуществился бы принцип “от каждого — по способностям, каждому — по потребностям”, но полагали общественно-полезным обманывать остальных — тех, кто действительно искренне (и наивно, как они считали) в это верил. Фактически же их идеалом был возврат к лжесоциализму с некоторыми изменениями. К тому, что следовало бы называть государственным капитализмом в чистом виде, с абсолютной властью государства над личностью и с очень мощным репрессивным аппаратом.

— Но это же чудовищно! — воскликнула Аэда Виль.

— Я постараюсь показать в лекции, почему они этого хотели, — спокойно ответил историк. — Думаю, что Тэй Рама они прекрасно поняли, но считали настоящее коммунистическое общество, описанное в произведениях Эрфа Рома, не более чем красивым вымыслом (иногда вредным). У них было для этого такое пикантное словечко — “утопия”. Помимо известной семантики, то есть основного значения и связанных с ним переносных значений, это слово обладало и вполне определённым ассоциативным полем. Примерно таким: “Они (придумавшие утопию) были людьми, наверное, хорошими, но глуповатыми и наивными и не понимали, что такого на самом деле быть не может; но мы-то с вами умные, мы-то с вами понимаем, что такого быть не может, потому что не может быть никогда”.

— Почему же всё-таки?

— Поведенческие стереотипы их современников представлялись им чем-то раз навсегда отлитым, статичным и неизменным (они это называли почему-то “человеческой природой”). Чем-то одинаковым для всех эпох, всех этносов, всех конкретно-исторических условий.

— Но неужели эти люди так мало знали? Ведь в то время наука уже... — Аэда Виль почувствовала, что собеседник понял, что она хочет сказать.

— Они действительно не видели дальше своего носа. Нам, выросшим в обществе, где на изучение древних языков отводится в любой школе не менее четверти всего учебного времени, трудно себе представить, насколько чудовищными были их представления о минувших веках, насколько извращённым — представление о прогрессе. Они, например, были убеждены, что чем дальше в глубь веков, тем хуже была жизнь людей — во всех отношениях. Для нас многое в древней истории, в том числе и в истории докоммунистических обществ, даже лжесоциализма, — источник душевных сил и надежная опора в пути. Они же искренне считали, например, что люди первобытнообщинного строя были глупее остальных. А о высоких *моральных* качествах людей родового строя, бывших безусловной нормой в доклассовых обществах, — просто не знали.

— Пожалуй, стоит, — вмешался в разговор Цоль Вэг, — организовать не одну лекцию Оа Рцела, а небольшой цикл. Скажем, часа на четыре.

— Согласен! Только лучше не разбрасывать их, а уместить в один день.

— И не будем откладывать, — заключил начальник экспедиции, потому что приближается событие, ради которого Оа прилетел на Сонору.¹⁷

* * *

— Подытожим сказанное, опуская теперь уже знакомые вам из первых лекций определения терминов и реалий, относящихся к пятому периоду ЭРМ и бесконечно чуждых нам, людям бесклассового

¹⁷ Далее до конца четвёртой главы следует текст заключительной лекции Оа Рцела. Он предлагается вниманию только тех читателей, которых заинтересовал разговор о лжесоциализме. Лекционный стиль сохранен.

коммунистического общества Эры Встретившихся Рук. — Оа Рцел говорил, чувствуя, как возвращается к нему ощущение полноты жизни, чувствуя словно вновь собравшихся, словно вновь стоящих рядом друзей — Арисоту Крата, Кими, Тайпа, Гриону Тэлли, Риг Виоля, Дзоллу и Леду Стэц.

— ...Именно Тэй Рам, — звучал в круглом сводчатом зале твёрдый баритон Оа Рцела, — первым применил в политэкономии термин “химерная целостность”, известный до него этнологам. Дело, конечно, не в том, что он употребил эти слова. Изучая реальные общественно-экономические формации, Тэй Рам разглядел различие между системными и химерными целостностями в кажущемся хаосе доступных его наблюдению общественных отношений.

Химера в мифологии древних — это существо с головой птицы, туловищем льва, хвостом змеи и крыльями летучей мыши. Химерная целостность — относительно неустойчивое (иногда искусственно поддерживаемое за счёт энергии системных целостностей) сочетание элементов, обладающих каждый в отдельности *системообразующими* — Оа Рцел выделил это слово подчёркнуто чеканным произнесением — *системообразующими* свойствами в принципе несовместимых систем. Оговорка “в принципе” означает, что их совмещение не образует новой системы, то есть, во-первых, объективно стремится не к развитию, не к большей устойчивости, не к воспроизводству самой себя, а к распаду — вопреки субъективной воле владык, перевешивающей не везде, и всегда ненадолго. Во-вторых, система — это такой объект, для понимания которого связи между элементами важнее самих элементов, в отношении же антисистемы (химерной целостности) данное утверждение неверно.

Тэй показал, что лжесоциализм Эпохи Подмены Понятий не представлял собой системной целостности, воплощающей какую-либо из общественно-экономических формаций (ОЭФ), но будучи *химерной* целостностью, неустойчиво сочетал системообразующие признаки *всех* ОЭФ.

Сделав короткую паузу, чтобы дать слушателям возможность подготовиться к восприятию следующих положений лекции, Оа Рцел снова с благодарностью вспомнил Риг Виоля, чьи беседы о структурной лингвистике, в особенности о фонологии — науке, вовсе не связанной напрямую с изучением законов общественного развития, — когда-то помогли ему настроиться на общую проблематику системности как таковой, пробудили в нём способность разглядеть структуры в мельтешащих перед глазами и как будто бы разрозненных

фактах, а теперь — рассказать спутникам об одной из самых малоизученных эпох в истории человечества Земли.

Через несколько секунд его уверенный голос вновь наполнил амфитеатр.

— Как показал Тэй Рам со ссылкой на работы своего современника психолога Ельчанинова, системообразующим признаком рабовладельческой ОЭФ при лжесоциализме является отсутствие собственности работника на рабочее время, или, что то же самое, жёсткое нормирование труда сверху. Оно появляется при рабовладении, а в последующих общественно-экономических формациях сохраняется как его пережиток, при позднекапиталистических же отношениях, особенно в постиндустриальном обществе с развитыми информационными технологиями, ослабевает и даже вовсе сходит на нет.

Системообразующие свойства *феодальной* формации преломились в лжесоциалистическом обществе как отсутствие свободы передвижения (более жёсткое в Китае, чем в России) и — чего не было даже в фашистской Германии, — разрешительный порядок временного выезда из страны. Впоследствии “золотой занавес пришёл на смену железному” — по образному выражению Тэй Рама и его единомышленников, доказывавших, что криминальный компрадорский капитализм — не альтернатива лжесоциализму, а его закономерное продолжение. Им же принадлежит и другой афоризм: “Прежний и новый режимы соотносятся не как гусеница и склевавшая её птица, а как гусеница и бабочка”.

В связи с феодальной стороной лжесоциализма упоминался также термин “плата за трудовые ресурсы”. Значение этого сочетания слов не вполне ясно, однако мой прадед Кими, чей лекционный курс общей теории лжесоциализма я попытался резюмировать за эти четыре часа, предполагает, что оно представляло собой эвфемизм, фактически означающий подушную пóдать.

Частнокапиталистические отношения, то есть отношения, обычно связываемые с капитализмом свободной конкуренции, насквозь пронизывали лжесоциалистическое общество, однако их существование — подчёркиваю: не только их экономико-формационная сущность, но и сам факт их существования в каждом конкретном случае — тщательно скрывался как от трудовых коллективов, так и от государственной машины в целом; вспомним: группы системных отношений, составляющие химеру, не образуют систему вместе взятые, они в принципе несовместимы друг с другом.

При лжесоциализме рабочие частных предприятий даже не подозревали, что работают на частных — частнокапиталистических — предприятиях, так как не знали, что отчуждаемая у них прибавочная стоимость присваивается конкретным капиталистом, в роли которого часто, но не обязательно, выступал руководитель предприятия, и не знали, что производят продукцию из неучтённого (*якобы* неучтённого) сырья. Вот почему при лжесоциализме администрация всегда и везде — подчёркиваю: всегда и везде — стремится к тому, чтобы рабочие (и вообще наёмные работники) не знали экономических показателей своего предприятия, не имели свободного доступа к информации, непосредственно затрагивающей их повседневную жизнь.

Таким образом, частнокапиталистические отношения в СССР, *как бы* противостоявшие государственности в целом, в то же время держались исключительно благодаря тоталитарному характеру советского (по названию) государства. При действительной (а не фиктивно декларированной) власти свободно избранных населением Советов капитализм в СССР был бы немыслим. — Оа Рцел остановился и, выдержав небольшую паузу, повторил с расстановкой:

— Свободно *избираемых* населением, *подотчётных* населению (то есть оплачиваемых своими избирателями по результатам работы), в любой момент *сменяемых* избирателями. Впоследствии, когда средства массовой информации контролировались столь же узким, как и при лжесоциализме, кругом лиц — иногда даже просто *теми же* лицами, — выборы проводились не для того, чтобы *узнать* мнение народа, а для того, чтобы *внушить* народу определённое мнение в ходе избирательных кампаний, становившихся в силу этого всё более дорогостоящими — опять же за счёт народа. Так был подготовлен следующий исторический переход: от лжедемократии к открытой террористической диктатуре, но эта проблематика выходит за пределы нашего обзора.

Отношения, обычно связываемые обществоведами с *государственно-монополистическим капитализмом*, были при лжесоциализме гораздо более доступны для наблюдения и изучения, нежели *частнокапиталистические*; они как бы лежали на поверхности и постоянно привлекали к себе внимание учёных, вследствие чего предшественники Тэй Рама, не знакомые с понятием химерной целостности, ошибочно характеризовали общественный строй, реально сложившийся в СССР, как особую форму государственного или государственно-монополистического капитализма. Суть этих отношений в том, что часть отчуждаемой у наёмных работников

прибавочной стоимости поступала в коллективную собственность господствующего класса, который не имел общепринятого названия, то есть *как бы* не существовал. Промышленные рабочие обычно обозначали этот класс, как это ни дико для нас звучит, словом “коммунисты”. Я уже рассказывал в предыдущей лекции и не буду повторяться, почему так произошло и почему этот психолингвистический курьёз имел некоторое значение для последующей истории России — бóльшее, чем можно себе представить априори.

Уже упоминавшийся психолог (интересно, что именно психолог, а не экономист) примерно за десятилетие до гибели СССР вычислил норму прибавочной стоимости, то есть фактически меру эксплуатации, и доказал, что при лжесоциализме она значительно выше, чем в буржуазных странах. Однако лишь небольшая часть этой стоимости присваивалась подпольными капиталистами-частниками и открыто господствующим классом. Было, как вы помните, ещё две части, о которых я попытался — вслед за Кими — рассказать в предыдущих лекциях и которые чуть позже снова будут затронуты в этом кратком резюме.

Возвращаясь к государственному капитализму, отметим, что господствующий класс в СССР не тождествен известному нам по истории планеты Торманс классу (и субэтносу) змееносцев, так как не представлял собой окаменелой прослойки с непроницаемыми или почти непроницаемыми границами: классовая принадлежность в СССР в общем случае не наследовалась, и безысходность на личном уровне в их обществе частично компенсировалась принципиальной возможностью, как они говорили, “пробиться”, для детей и внуков. Возврат к буржуазному строю не был свержением господства этого класса: он оставался у власти, сменив *способ* эксплуатации народных масс. С точки зрения Тэй Рама и тех исследователей, на чьи работы он опирался, такой поворот событий не был неизбежен: переход от лжесоциализма к социализму, по их мнению, был в принципе возможен в какой-то момент незадолго до гибели лжесоциализма или, как говорил Тэй Рам, до его *трансформации* в компрадорский криминальный капитализм.

Оа Рцел сделал глоток воды и подумал о том, что после лекции его наверняка спросят, известны ли случаи перехода от лжесоциализма к социализму в истории других человечеств. Но сейчас слушатели молчали, терпеливо ожидая продолжения.

— Системообразующие свойства коммунистической ОЭФ, — вновь заговорил историк, — так же присущи лжесоциализму, как и свойства всех других известных нам формаций — рабовладельческой, феодальной и капиталистической в обеих её основных разновидностях. Небольшая часть прибавочного продукта действительно становилась общенародным достоянием, и существовал бесплатный — хотя и не во всех случаях свободный — доступ к образованию и медицинской помощи. В отдельные периоды времени практически бесплатными были некоторые продукты питания. Как мы знаем, коммунистический компонент лжесоциализма был объектом заостренного внимания и до, и после трансформации лжесоциализма, благодаря чему за последним и закрепилось, много позже, не вполне корректное название “Первый Социализм”. Разумеется, именно коммунистические черты лжесоциализма побуждали часть современников — да и потомков — отождествлять его с социализмом — начальной стадией коммунистической формации. Несостоятельность такого отождествления Тэй Рам показал исходя не из надстроечных, не из идеологических его особенностей (их можно было бы при желании объявить искажениями, извращениями и... как это у них называлось... — “перегибами”); нет, в своей книге “Антикоммунистическая сущность большевизма” Тэй Рам показал именно *базисные* отношения, самое ядро лжесоциализма. Да, он писал: “Если бы у нас действительно был социализм, нас бы не смогла сломить никакая сила”. Но он привел, среди прочих аргументов, тот единственный довод, о который разбивались *любые* попытки отождествить советское общество с социализмом. — Оа Рцел выдержал паузу и медленно произнёс, отчеканивая каждое слово: — *В Советской России рубль стал неконвертируемым.* Это означает, что производительность труда стала ниже, чем в буржуазных странах (сколько бы ни морочили голову правители и их учёные слуги рассуждениями о каком-нибудь приросте выплавки чугуна на душу населения).

Оа Рцел сделал паузу, ожидая смеха в зале, но слушатели хранили молчание: то, о чём он рассказывал, было совсем не смешно.

— Но мы знаем, как знали и современники Тэй Рама, — продолжал историк, — что более прогрессивная общественная формация подразумевает и более высокую производительность труда. Вот вам и экономические корни, — чуть помедлив, добавил Оа Рцел, — такого типично феодального установления, как разрешительный (вместо регистрационного) порядок выезда. И экономические корни

валютной направленности советской экономики. Валюта — любой ценой! То есть в первую очередь экономика работала на партнёров за рубежом, и только во вторую — на собственный народ. Подчёркиваю: так было и до трансформации, какими бы идеологическими противостояниями ни прикрывали правители полуколониальную сущность своего режима. Трансформация лжесоциализма в криминальный компрадорский капитализм не *создала*, а *усугубила* колониальный характер этой экономики. Не будем забывать, что при лжесоциализме четвёртая (по порядку перечисления в лекции) доля прибавочной стоимости оседала безвозвратно в западных банках, что представляется совершенно закономерным, если помнить, что именно международная финансовая олигархия, уже выступавшая как относительно целостный субъект политической жизни с тенденцией к установлению всепланетной этнократии, — именно эта международная финансовая олигархия организовала в России катастрофу, искусно замаскированную под социалистическую революцию и направленную на достижение двух главных целей: обескровить Россию и навсегда дискредитировать само представление о коммунизме, саму мысль о возможности освобождения от капиталистического гнета.

Оа Рцел остановился, быстро подавив охватившее его волнение, и продолжал спокойно:

— Итак, повторюсь: системообразующие свойства коммунистической ОЭФ действительно *были* при лжесоциализме; мы знаем, что даже маска — в том, что касается общественных отношений — всегда срывается с лицом, всегда — в какой-то мере — как бы *становится* лицом. Утрата этих коммунистических отношений, системообразующих для коммунистического общества, а для лжесоциализма — несистемообразующих, но и не периферийных и безусловно реальных, — утрата этих отношений в постсоветском обществе вызвала у многих людей ностальгию по ушедшим временам, фактически — желание вернуть всё то, что мы сегодня называем лжесоциализмом. Напомню: в политике большинство людей было склонно считать только до двух. Это не умозрительный вывод, это эмпирически установленный факт. Настоящего социализма в нашем понимании они себе не представляли, потому что никогда его не видели, и их логическую ошибку можно обозначить так: чего не было, того и не будет, потому что раз не было, значит, не может быть. “При социализме, — рассуждали другие (напомню: само слово “лжесоциализм” встречалось в тот период только в произведениях

Эрфа Рома и его последователя Тэй Рама) — при социализме я не голодал, работал на одной работе и иногда даже ездил отдыхать, а теперь я голодаю, хотя работаю на двух работах, и поехать отдыхать мне не на что. Вывод: хочу обратно.”

Но мы знаем: никогда возвращение не достигает цели. Понадобилась целая историческая эпоха, чтобы люди наконец поняли простые по сути, но в мире подменённых слов — сложные для описания законы общественной жизни, открытые ещё старшими современниками Тэй Рама. Прежде чем преодолели всепроникающую избранность. Прежде чем поняли несовместимость социализма и наёмного труда. Необходимость получать долю прибыли, а не так называемую “зарплату”. Вспомнили открытый ещё древними римлянами составной характер общественного отношения, называемого “собственностью” (владение, распоряжение, пользование). Средства производства — собственность социалистического государства в том смысле, что работающий не вправе их продать, уничтожить, завещать, использовать для эксплуатации чужого наёмного труда. Но они — собственность каждого работника и всего трудового коллектива в том смысле, что он использует их по своему усмотрению и является собственником, как правило, всей произведённой им продукции, во всяком случае — её *стоимости*. Если научное открытие сделало производство более прибыльным, то эта дополнительная прибыль принадлежит тому, кто сделал открытие, тому, кто внедрил его, и тому, кто использует его в производстве. Так, через *справедливую собственность*, в Эру Мирового Воссоединения вновь возродился коллективизм, когда каждому нужны все и всем нужен каждый. Так был подготовлен переход к Эре Общего Труда — первой действительно коммунистической эре в истории человечества. И первой на этом пути, как мы знаем, была Россия.

ГЛАВА V. ДАЛЬНЯЯ СВЯЗЬ

Ароматный, чуть влажный ветер солнечного утра влетел в только что раскрытое роботом СДФ окно и прикоснулся к лицу спящего. В то же мгновение Ирцельд открыл глаза, разбуженный безмолвным приказом Цоль Вэга. Не поднимаясь со своего жёсткого ложа и не шевелясь, астронавт мысленно соединил главные чакры, попеременно сосредоточивая внимание на определённых точках тела. Меридианы были прозрачны, прана текла свободно и равномерно. “Пробежав” повторно по кончикам пальцев, Оа Рцел проверил ещё раз и “расширил” каналы, ведущие в область между переносицей и нижней точкой линии роста волос на середине лба. Быстро встал, проделал сильно сокращённый комплекс утренних упражнений. Завтрак сегодня не запланирован. Едва успев выйти из-под бодрящего ионного душа, почувствовал в правом уголке губ тонкий луч тепла. И сразу же — небывалый со дня гибели друга прилив сил. Это Цоль Вэг, находящийся в своей комнате в противоположной части базового лагеря, начал “накачку”.

Примерно через полчаса Оа Рцел во второй раз за несколько месяцев экспедиции извлёк из крошечной антимагнитной камеры в стене почти невесомый пакет и вскрыл его. Облачившись в легчайшие серебрястые одежды, звездолётчик почувствовал, как отступили, ушли в тень, в полунебытие, любые мысли и заботы, не связанные с предстоящим ему действием. Лёгкими и быстрыми шагами Ирцельд прошёл по безмолвным и безлюдным галереям в зал звёздных карт, слыша только шелест широкого шёлкового плаща за плечами. Семнадцать человек во главе с начальником экспедиции, уже ожидавшие связиста, безмолвно и одновременно приветствовали его взмахом правой руки вертикально вверх, ладонью вперёд. Так же безмолвно Оа Рцел ответил собравшимся.

От группы отделился человек в лёгком голубом с синей отделкой парадном костюме звёздного капитана, оттенявшем небесный цвет его глаз под густыми и короткими светло-русыми волосами. Долгие годы космических странствий в неизведанных мирах наложили неизгладимую печать на ещё молодое лицо, сделав его строже, сосредоточенней и, пожалуй, немного суровее лиц остальных семнадцати астронавтов.

— Вит Сван! — от неожиданности связист не сдержал восклицания.

Считалось неприличным слишком явно выражать в присутствии других радость встречи, но сейчас действовал неписанный закон: 1) перед сеансом Дальней связи нельзя ничего, что может ей помешать; 2) перед сеансом Дальней связи можно всё, что способно ей помочь. Вопреки сложившейся традиции, командир “Лоэнгрин” оставил корабль и опустился на поверхность планеты, чтобы оказать поддержку связисту. Путешественники обнялись, и только Минда Кэри, стоявшая ближе других к двум молодым людям, слышала слова:

— Ты прилетел! Благодарю тебя, Вит! Ты заменишь Арисоту?

Белый Лебедь отрицательно покачал головой:

— Цоль Вэг усиливает мною группу поддержки. Обратный путь к Солнечной Системе хорошо знаком, и, если я не успею восстановиться, “Лоэнгрин” поведет Кóрио.

Звездолётчики наконец отпустили друг друга, и связист первым ступил на ленту транспортёра прозрачной галереи, бесшумно понесшую восемнадцать человек и их восемнадцать механических слуг над вершинами деревьев к Горе Дальней связи.

Огибая её узкий крутой конус, Ирцельд вновь любовался убегающей ко всё более далёкому горизонту цепью плосковершинных холмов, пойменными лугами, ещё ярче зазеленевшими после недавней ночной грозы, широкой серебристо-голубой лентой реки под глубокими и гулкими небесами Соноры. Взгляд его поднялся к силиколовому куполу на вершине горы, уже переоборудованному для сеанса. Расстояние до него всё меньше. Сколько? А сколько до ближайшей точки галереи чуть выше по склону, на следующем витке спирали? Если считать весь путь — не менее пяти километров. Но если бы чешуйка транспортёра, на которой он сейчас стоит, чудесным образом прошла сквозь силиколл галереи и вознесла его к следующему витку спирали по прямой, путь сократился бы не менее, чем вдесятеро. Так звездолёты прямого луча покидают сложную

структуру пространства Шакти, чтобы выйти почти мгновенно в заранее намеченный район.

А на звездолёте “Данте” в эти минуты Линна Өор снова сидела за пультом музыкальной настройки. Как обычно перед сеансом Дальней связи, она выбрала отрывок из очень старого и давно любимого ею произведения — Четвёртой бразильской бахианы Вилло-Лобаса. Песня без слов, полная светлой немой печали, словно бы пронзала безмерные дали пространств и времён, и напоминая о вечно сопутствующем человеку роковом “никогда”, и утешая своею почти невысказанной, почти невозможной нежностью и гармонией.

С последним вздохом органа золотистое освещение фонотеки сменилось на изумрудно-зелёное — в Посту Дальней связи ждала группа поддержки: командир корабля, астрофизик и врач экспедиции Офаза Джаэ. Там же в гостевых креслах расположились астронавигатор Звельт Корс и пилот Као Гохр.

За десятки парсеков от “Данте” восемнадцать человек бесшумно сошли в Посту Дальней связи с движущейся ленты под звуки другой древней мелодии. Астронавты не знали, что чудом дошедшая из глубины веков музыка, навевавшая им мысли о бесконечности космоса и бесчисленности его далёких, почти недостижимых миров, была некогда финалом первого акта классического русского балета, утверждавшего победу любви и добра над силами тьмы.

Небеса вокруг купола были спокойны, и ничто в наступившей тишине не нарушало торжественности великого часа.

Минда Кэри протянула руку вперёд, давая знак своему СДФ. Тотчас же на прозрачном куполе возникли светящиеся часы, чей ход был ещё на Земле тщательно, до ничтожных и непредставимых долей секунды, согласован с ходом таких же часов на звездолёте “Данте”. Чувствительные приборы “Данте” и “Лоэнгрин” автоматически компенсировали изменения, связанные с движением звездолётов на субсветовых скоростях, их близостью или удалённостью от больших скоплений материи и погружениями в нуль-пространство.

Плавно скользящая серебристая стрелка часов совместилась с ярким сиреневым делением огромного циферблата. В тот же миг изображение погасло, но зато из восемнадцати СДФ, расположившихся по периметру купола, раздались голоса органа: зазвучало “космическое” адажио Альбини — Джадзотто¹⁸. (В то же

¹⁸ Мы редко вспоминаем о том, что «Адажио Альбини» не является аутентичным произведением эпохи барокко, но было «реконструировано» в XX веке итальянским музыковедом

мгновение та же мелодия наполнила зал Дальней связи звездолёта “Данте”.)

Всё совершалось быстро. Длинные, но не тонкие пальцы изошрённых рук Вит Свана извлекли из тёмно-серого эллипсоида антимагнитного футляра необычный и смертельный для неподготовленных предмет — тяжёлую иридиевую диадему с тремя ярко засиявшими в дневном свете кристаллами. Минда, принявшая драгоценность из рук командира корабля, подошла к Ирцельду и возложила на него диадему. Венерианский фаант приходился в точности над серединой лба, полупрозрачные серые камни легли на виски связиста.

Участники экспедиций не носили длинных волос, но Минда Кэри на миг представила себе тёмные локоны Ирцельда, струящиеся из-под диадемы на серебристый плащ.

Оа Рцел сделал шаг вперёд и оказался на возвышении в центре Поста. Непосредственно перед ним находился пульт, ещё не нужный; справа и слева на уровне головы параболически вогнутые зеркальные пластины были расположены на оси, перпендикулярной силовым линиям квазимагнитного поля планеты.

Группа поддержки выстроилась на небольшом отдалении за спиной связиста, и только Аэда Виль встала с противоположной стороны купола, лицом к возвышению. Между нею и центром Поста, посередине небольшого бассейна с водой из бьющих на горе ключей, тихо и ровно горело в серебристой чаше бездымное пламя, ибо никакие генераторы поля и никакие магниты не заменят человеку живого огня.

Роботы СДФ развернули в полутора метрах впереди и выше Ирцельда поразительное в своей реальности объёмное изображение хрустального шара с наклонной оптической осью. Из глубины миража протянулись тонкие лучи к трём кристаллам иридиевой диадемы.

В ту же секунду музыкальное вступление сменилось лейтмотивом. Сознание было совершенно ясно, и Ирцельд напряг всю свою волю, сосредоточиваясь на призыве к сестре.

И вдруг он увидел её лицо, увидел зал Дальней связи звездолёта “Данте” — единственное просторное помещение перегруженного приборами корабля. Окружающая реальность не исчезла. Но подобно тому, как очень усталый человек, которому по каким-то причинам необходимо бодрствовать, видит сны не засыпая — и, понимая, что

проф. Ремо Джадзотто (1910 – 1998) на основе фрагмента музыки Т. Альбинони, чьи произведения он каталогизировал. Кроме самого Р. Джадзотто, этого фрагмента так никто и не увидел.

это сны, сохраняет нормальную реакцию на всё происходящее вокруг, так видение “Данте” не *оттеснило* реальностей Соноры в восприятии связиста, а *добавилось* к ним. Только состояние Ирцельда не походило на сон — скорее напротив, *обычное* состояние было некоей полудремотой в сравнении с этим *сверхбодрствованием, сверхбдением*, когда органы чувств легко, радостно и свободно вбирали в себя каждую мельчайшую деталь, каждый штрих окружающего Ирцельда близкого мира и далёкой частицы земного человечества — звездолёта “Данте”.

Картина исчезла. Дальнейший приём скорее походил на яркое *воспоминание*, если к пси-связи вообще применимы подобные аналогии.

Шли ряды образов, зыбких, неуловимых и ускользающих, как сновидения, которые даже тренированная психика Оа Рцела едва способна была сохранить в памяти — с тем, чтобы после сеанса можно было обсудить их с Аэдой Виль и её коллегами из Академии пределов знания.

Вскоре Ирцельд почувствовал сигнал, означавший, что Линна Ооор начинает следующую часть передачи, для неё — особенно трудную.

Контакт был безупречен. Никогда ещё близнецы не испытывали такого необорного ощущения полноты жизни: как если бы всё прожитое до сих пор — лишь потому имело какое-то значение, что увенчалось сегодняшним днём. Но странным образом Оа Рцел чувствовал и глубокую печаль, недавно разлившуюся в душе сестры и гулко отдающуюся в сердцах её спутников. Небольшой экипаж межгалактического корабля представлял собой то, что древние люди, едва нащупывавшие пути к объяснению способностей Прямого луча, называли не очень афишируемым термином “эгрегорное сообщество”. Такие группы людей, соединённых безотчётной симпатией, складывались (в прошлом — только стихийно) на основе биофизической совместимости полей, так же не зависящей от сознания, как биохимическая совместимость (или несовместимость) по группе крови. Любой в таком сообществе мог быть “донором” любого, и все усиливали каждого. В старину члены таких сообществ, наблюдая феномен, но будучи не в состоянии объяснить его, обычно полагали, что черпают силы в общих со своими товарищами убеждениях.

Экипаж звездолёта “Данте”, тщательно подобранный биофизиками, уже стал сплочённым вдвойне, пройдя через испытания небывало опасной и дерзкой экспедиции.

Звельт Корс и Као Гохр, расположившиеся позади и чуть в стороне от группы поддержки, пришли в зал Дальней связи звездолёта, чтобы не пропустить редкую возможность увидеть сеанс. Внезапно Као Гохр ощутил резкую перемену в сидящем рядом товарище и мгновенно понял её причину.

— Тихо ты! — крепкая ладонь пилота сжала стальное шарообразное плечо Звельта. — Не импровизируй. Нам ещё звездолёт вести, — Као Гохр почувствовал, что астронавигатор вмешался в сеанс и от него пошла “подкачка” связисту. Но Звельт Корс только сделал успокаивающее движение рукой в сторону своего напарника, продолжая посылать внутреннюю энергию Линне Оор. Его взгляд не мог оторваться от стройной молодой женщины, невыразимо прекрасной в этот миг небывалого подъёма, наивысшего взлёта душевных сил. Губы юноши вот-вот готовы были зашевелиться, в немой тоске беззвучно повторяя слова: “Я люблю вас, Линна!”

Линна Оор начинала вторую часть сеанса. Брат звездолётчицы положил руки на биофизические датчики пульта: прецизионный раздел передачи поддаётся записи. Фигуры, схемы, геометрические тела (приводящие на память недавно прочитанный специально для него курс топологии), в различных цветовых сочетаниях и с разным ощущением плотности в разных точках, с головокружительной скоростью проносились перед мысленным взором Ирцельда. Было очевидно, что Линна передаёт новые, только что добытые экипажем “Данте” сведения о геометрии пространства в недрах квазара, сопоставляя их с аналогичными данными, полученными в отдалении от галактик или иных объектов ближнего и дальнего космоса. Изображения сменились формулами и рядами цифр: пошла наиболее тяжёлая для передающей стороны часть сеанса, длящаяся несколько секунд.

Наконец Линна закончила передачу, и Ирцельд, мгновенно это почувствовавший, дал мысленную команду главному переключателю пульта. Теперь электронный мозг Поста Дальней связи уже не станет снимать с ладоней связиста то, что он видит внутренним взором, а будет воспроизводить для него информацию, подлежащую передаче экипажу “Данте”. Информацию, которую подготовила за семь недель группа специалистов по физике пространства, обработавшая результаты предыдущего сеанса Дальней связи. Но сейчас Оа Рцел принялся пересылать сестре ощущения и образы — снова зыбкие, снова не поддающиеся записи, — которые вызывала в своей душе стоявшая прямо перед ним Аэда Виль. Как только она закончила, ожил

стереоэкран пульта. На нём возникали, сменяя друг друга, ряды цифр, формулы и геометрические изображения. Дальше пошёл текст. Для передачи по пси-связи нет ничего труднее слов, фраз и текстов, потому что языковая способность связана преимущественно с *корой* головного мозга (его правого полушария), а не с подкоркой. Оа Рцел справился и с этим: Цоль, Минда и Вит вовремя дали “подкачку”.

Ирцельд готов был уже закончить сеанс Дальней связи, но не давала покоя глубокая и необъяснимая для него печаль сестры, долетевшая сюда, под гулкое небо Соноры, сквозь безмерные дали неведомых миров. Словно бы люди ставшего вдруг близким звездолёта узнали в ходе своей дерзкой и смелой экспедиции нечто такое, что мгновенно состарило их души, — но они оставят это в себе, сомкнув уста.

Ирцельд, не сходя с возвышения под невидимым силиколовым куполом, окинул взглядом далёкий горизонт Соноры и, словно в экстазе, протянул руки вперёд и вверх. Он посылал сестре то, что в древности у религиозных людей называлось *благодатью*. (По-разному звучавшие слова разных языков и наречий с безукоризненной и поразительной точностью сходились на одном, общем для всех, понятии.)

Радость жить, радость от того, что существует невообразимо разнообразный в своих самых неожиданных проявлениях мир, радость быть молодым и сознавать себя сильным и прекрасным — щедро изливались в безмерно отдалённую точку Галактики под купол тесного звездолёта. Радость узнавать новое и видеть могучие горы, диковинные цветы и светлые реки далёких планет. Радость возвращаться с победой на родную Землю, заботливо обустроенную вдохновенным трудом сотен свободных и счастливых поколений, к её многолюдным городам и излюбленным пустынным уголкам отдыха. Радость быть среди людей, каждый из которых в любую минуту готов помочь. Радость быть нужным. Радость знать, что так будет и после тебя.

Ирцельд понимал, что жизнь подобна волне и за подъёмами наступают спады, но такого вдохновения, такого творчества Дальней связи он не испытывал никогда прежде. Его чувства передались его спутникам, и звездолётчики “Лоэнгрин” мысленно благодарили удивительную планету и в недолгие минуты Дальней связи, и во время разбора сразу же после сеанса, и чуть позже, когда несли на руках потерявшего сознание связиста в медицинский отсек, где ему предстояли долгие недели глубокого и спокойного сна.

* * *

Центр Галактики, значительно превосходивший размерами Солнце, видимое с Земли, ярко светил с переднего обзорного экрана, и разноцветные блёстки звёзд в противоположной стороне казались слабыми, заметно проигрывая в сравнении с хорошо знакомым каждому звездолётчику сверкающим великолепием огненной росы на чёрном бархате небес Солнечной системы и её окрестностей. Но зато через далёкий диск Центра Галактики широкой полосой протянулась двойная радуга: его излучение каким-то непонятным образом преобразовывалось, проходя через внутренний сегмент галактической спирали.

Весь экипаж “Данте” собрался в кают-компании за широким овальным столом. Отсутствовал только самый юный из участников экспедиции, Звельт Корс. Астронавигатор, несколько месяцев назад окончивший Школу Звёздного Флота, решил воспользоваться выходом корабля в неисследованный район, чтобы заняться составлением звёздных карт. Но и он должен был скоро подойти, передав роль вахтенного автоматическим приборам: “Данте” неподвижно висел в пустоте космоса, пока звездолётчики отдыхали после третьего прыжка и сеанса Дальней связи.

— Подумать только! — говорила Линна Оор. — За эти месяцы мы узнали о природе пространства больше, чем было накоплено со времён первых ЗПЛ. До сих пор нам казалось, что должна существовать какая-то симметрия, какая-то аналогия между мирами Шакти и Тамаса. Кто бы мог подумать, — в голосе учёной звучала глубокая грусть, — что весь наблюдаемый мир, его галактики, звёзды и атомы — только лёгкая зыбь на поверхности Небытия...

— Линна, вы помните, что написал в своём манифесте и высоко ценил всю жизнь любимый вами древний поэт: “ясный и мужественный взгляд на жизнь”. Его любимыми поэтами, как мы знаем, были великие тайноведы Шекспир и Данте, — произнёс пилот.

— И совпадение с именем нашего звездолёта не может быть случайным, — тихо добавил Игорь.

— Men che drama

ответил ему Као Гохр, вспомнив недавний бросок по краю бездны.

— Меня, признаться, несколько огорчает другое обстоятельство, — спокойно, как если бы делал научный доклад, сказал Квиргу Эйр. Он глядел на Линну и не заметил появившегося в дверях астронавигатора. — И радуется, и огорчается одновременно. Мы слишком поздно получили с Соноры чрезвычайно ценные результаты обработки данных, ранее добытых нами на удалении от Местной системы галактик. Если бы была заранее запланирована — а незапланированные сеансы на таких расстояниях невозможны, — и проведена Дальняя связь после выхода из второго прыжка, до нашего погружения в нуль-пространство под квазаром, мы бы знали более точно, что́ следует искать и как перенастроить приборы для наблюдений в ходе третьего прыжка. Мы принесли бы человечеству ещё бóльшие знания. Теперь, когда третий бросок позади, вряд ли имеет смысл подробно говорить об этом.

— Друзья, — весело зазвенел в тесной кают-компании звездолёта знакомый стальной тенор, и все повернули головы в сторону вошедшего. Звельт Корс бросил на стол покрытые формулами плотные тонкие пластины, заменявшие в экспедициях листы бумаги, и встал у стены в проёме между обзорными экранами. Астронавигатор был настолько высок ростом, что его точёное лицо заслонило стереофотоснимок главного здания Совета Звездоплавания. — Я предлагаю не возвращаться отсюда сразу на Землю, а пройти в нуль-пространстве через Центр Галактики. Теперь, после всего, что мы узнали, было бы непростительно этого не сделать. Вот предварительные материалы к расчёту пути.

— Вы же собирались заняться картографированием, Корс, — нахмурился командир.

— Да. Но не только, — астролётчик нимало не смутился.

— Это неоправданно, Звельт, — негромкий, с чуть заметной приятной хрипотцой голос уже немолодой и давно путешествующей в космосе женщины, химика звездолёта Гэллы Фрао звучал ровно и почти обыденно. — Не вы ли обращали наше внимание на то, что лучше не увеличивать, а уменьшить число погружений за одну экспедицию? Вернёмся на Землю, — неторопливо продолжала

¹⁹ Меньше, чем на драхму, / Оставалось у меня крови, которая бы не содрогалась (итал.) — Данте. Чистилище, XXX, ст. 46-47.

звездолётчица, — там переналадят корабль — он тоже устал, — а затем можно будет предпринять исследование указанной вами области с использованием результатов, полученных на основе наших наблюдений группой Аэды Виль и Вит Свана. (Я не сомневаюсь, что обработкой занимались именно они: трудно не узнать их научный почерк.)

Звельт Корс терпеливо слушал — у землян Эры Встретившихся Рук считалась верхом неприличия попытка перебить собеседника, особенно если в разговоре участвовало трое или больше людей. Но опытный глаз врача экспедиции Офазы Джаэ заметил, как участилось сердцебиение астронавигатора. “Тебе бы доспех, тебе бы меч, тебе бы в бой”, — мысленно произнесла Офаза.

— Нет! — возразил химику Звельт Корс, дождавшись конца её речи. — Вы считаете, что мне просто не терпится, потому что это мой первый дальний полёт?

Гэлла Фрао спокойно кивнула — теперь был её черёд *не смутиться*.

— Но ведь есть и иной резон, — астронавигатор заметил, как на него одновременно взглянули Квиргу, Игорь и Линна. — До следующей экспедиции сохранится *прецизионная* информация: цифры, формулировки и так далее. Но сотрутся ваши, Линна, ваши, Квиргу, и твои, Игорь, ощущения, для которых нет слов в языке. В том числе — сотрутся образы, вернувшиеся к нам из зеркала Дальней связи, преображённые интуицией ваших партнёров на Соноре. А это значит, что мы с гораздо меньшей полнотой воспримем то новое, с чем нам предстоит встретиться и что, по-видимому, принципиально не поддаётся языковым определениям.

— Мы все трое хорошо понимаем вас, Корс, — зазвучал в наступившей тишине сочный бас Квиргу Эйра. — Но никогда ещё ни один ЗПЛ не совершал пять бросков за один рейс. Положите на одну чашу весов абстрактные научные результаты, на другую — жизнь ваших товарищей и вашу собственную. И судьбу великолепного звездолёта-лаборатории, который, надеюсь, ещё послужит науке. И вспомните, — в глазах командира загорелись задорные искорки, — что говорил старик Цоль, единственный раз позволив себе процитировать древнего поэта на вечеринке по случаю выпуска вашего курса.

— Как же! — расплылся в улыбке навигатор. — Он вытянул правую руку с поднятым вверх указательным пальцем и торжественно изрёк, понизив голос:

Конечно, ум даёт права на глупость,
Но лучше сим не злоупотреблять.

Всеобщий смех моментально разрядил наметившуюся было напряжённость. Квиргу Эйр и Звельт Корс вместе выполняли сложнейшие расчёты пути, и никакой обиды на шутку быть не могло.

— Всё-таки, Звельт, давай по существу содержания, — Игорь улыбался, но говорил серьёзно. — Как ты видишь научные результаты броска в самом оптимистическом варианте, то есть если мы там все не... — звездолётчик сделал жест обеими руками, представляя падающий в воду камень и расходящиеся по поверхности круги.

— Изволь. Давайте представим себе, как мы использовали бы полученные Линной Оор результаты обработки, если бы знали их до броска через квазар... *Под* квазаром... *Над* квазаром... (*Нет* в языке нужного предлога. В точке нуль-пространства, соответствующей центру квазара.) Ведь это прямой выход на теоретическое осмысление сопряжённости точек пространства Шакти!

— А такое осмысление, — воспользовалась паузой Линна Оор, — позволит проводить сеансы пси-связи на сверхдальние расстояния, не дожидаясь предварительно согласованного момента.

— Именно! Для вызова партнёра достаточно будет *вычислить* (пока мы не знаем, как это можно сделать) ближайший район, сопряжённый с его местонахождением. И на обычных анамезонных двигателях подтянуть туда корабль. Кстати сказать, это когда-нибудь и где-нибудь спасёт и жизни людей, и великолепный звездолёт-лабораторию.

— Я — за, — коротко ответила Линна Оор.

— У меня есть ещё одно соображение в пользу незапланированного броска, — заговорила молчавшая до сих пор Офаза Джаэ. — Это первая большая экспедиция нашего астронавигатора. Линна, вы несколько семестров преподавали физику пространства в Школе Звёздного Флота.

— Да. Но... наш астронавигатор в то время был... ребёнком. (Извините, Звельт.)

— Я не о том. Какая группа для вас как преподавателя была самой удачной?

— Первая.

— Вот видите. А у нас, врачей, в старину существовало поверье, что во время *первой операции* у правой руки хирурга стоит ангел. —

Офаза чуть помолчала и подытожила: — Так что у нашего астронавигатора получится. Именно сейчас и получится.

— Као Гохр, вы?

Пилот молча кивнул, незаметно облизнув сухие губы.

— Гэлла Фрао?

— Я — за.

— За! — отозвались эхом все остальные участники экспедиции.

— Ваше слово, командир! — Звельт Корс напрягся, как перед физическим усилием, и женщины звездолёта невольно залюбовались его тонкой, но мускулистой фигурой. “Вот она, *абсолютная юность*”, — подумала Линна Өоор, вспоминая слова брата.

Квиргу Эйр секунду помедлил, потом вдруг улыбнулся широко и беспечно — и произнес русское слово, известное каждому звездолётчику: “Поехали!”

* * *

— Ирцельд, вы слышите меня? Как вы себя чувствуете, Ирцельд? — ровный голос Цоль Вэга вернул связиста в мир звуков, красок и едва уловимого запаха цветочной пыльцы с далёких лугов, принесённого теплым ветром солнечного полдня Соноры.

Вместо ответа звездолётчик рывком поднял голову от подушки и сел на лежанке, скрестив ноги. Блаженно улыбнувшись, Ирцельд быстро помотал головой, как если бы только что вышел из моря и теперь стряхивал водяные брызги.

— Я долго спал?

— Очень долго. Целую вечность, потому что произошли события, всколыхнувшие всё человечество. Звездолёт прямого луча с Планеты аметистовых морей, совершающий регулярные рейсы к Земле, изменил маршрут, чтобы доставить нам кристалл мнемозаписи об удивительных открытиях. Хонна Кминт вызывала по Дальней связи Вит Свана, и он помог командиру туканцев быстро вывести корабль через нуль-пространство к Соноре.

Начальник экспедиции сделал знак своему СДФ, и в комнате Ирцельда возникло изображение знакомого навигационного отсека. Командир “Лоэнгрин” и связист приветствовали друг друга радостными восклицаниями. Без лишних предисловий Вит Сван

обрушил на Ирцельда главные новости, которые обсуждали сейчас во всех научных собраниях населённых людьми планет.

— “Данте” благополучно вернулся на Землю. Звездолёт невредим, все живы. При выходе из четвёртого броска (они прошли Центр Галактики) был ранен какой-то *Звельт Корс*, которого теперь чувствуют как героя. Уж не знаю, — беззлобно ухмыльнулся командир, — что он там... натворил. Но они добыли столько, что учёные трёх академий — Звездоплавания, Пределов знания и Направленных излучений — вернулись на работу, прервав отпуска. Главные результаты: Дальняя связь, по-видимому, скоро станет возможной на любом расстоянии и в любой момент. Увеличена надёжность прохождения через нуль-пространство: риск сорваться в Тамас или выйти к незапланированной точке теперь будет сведен до минимума. Но самое потрясающее не это. — Вит Сван остановился, насмешливо оглядел Ирцельда, так и продолжавшего сидеть в неудобной позе, едва прикрывшись лёгкой простыней. — Сядь по-человечески.

— Чего?!

— Сядь, — засмеялся командир, — по-человечески, Пупий Цеций. Куколеус. Вот. Теперь другое дело. Риг Виоль был на Плутоне. (Историк молча кивнул.) В развалинах построек, найденных ещё в четыреста восьмом году Эры Кольца, обнаружены *тексты*. Риг Виоль расшифровал их. К моменту захвата Плутона Солнечной системой на нём существовала высокоразвитая гуманоидная цивилизация. Задолго до отрыва Плутона от своей звезды они посещали Землю (один из них, кажется, даже успел подстрелить стегозавра). Предполагая, что на нашей планете когда-нибудь разовьётся разумная жизнь, они перед тем, как произошла катастрофа и их планета погрузилась в холод и мрак, сконструировали вечные анабиотические ванны. Риг расшифровывает сейчас тексты о том, как разбудить жителей погибшей планеты. Но только спешить с этим не будут: надо сначала подумать, как подогнать Плутон через нуль-пространство к какой-нибудь подходящей для его обитателей звезде и запустить на подходящую же орбиту. Пока — невпроворот работы с текстами, и Риг Виоль хочет, чтобы ты помог на месте его группе. Готовься к новой интересной экспедиции!

*Москва, март 1996 —
1 января 1997 г.*